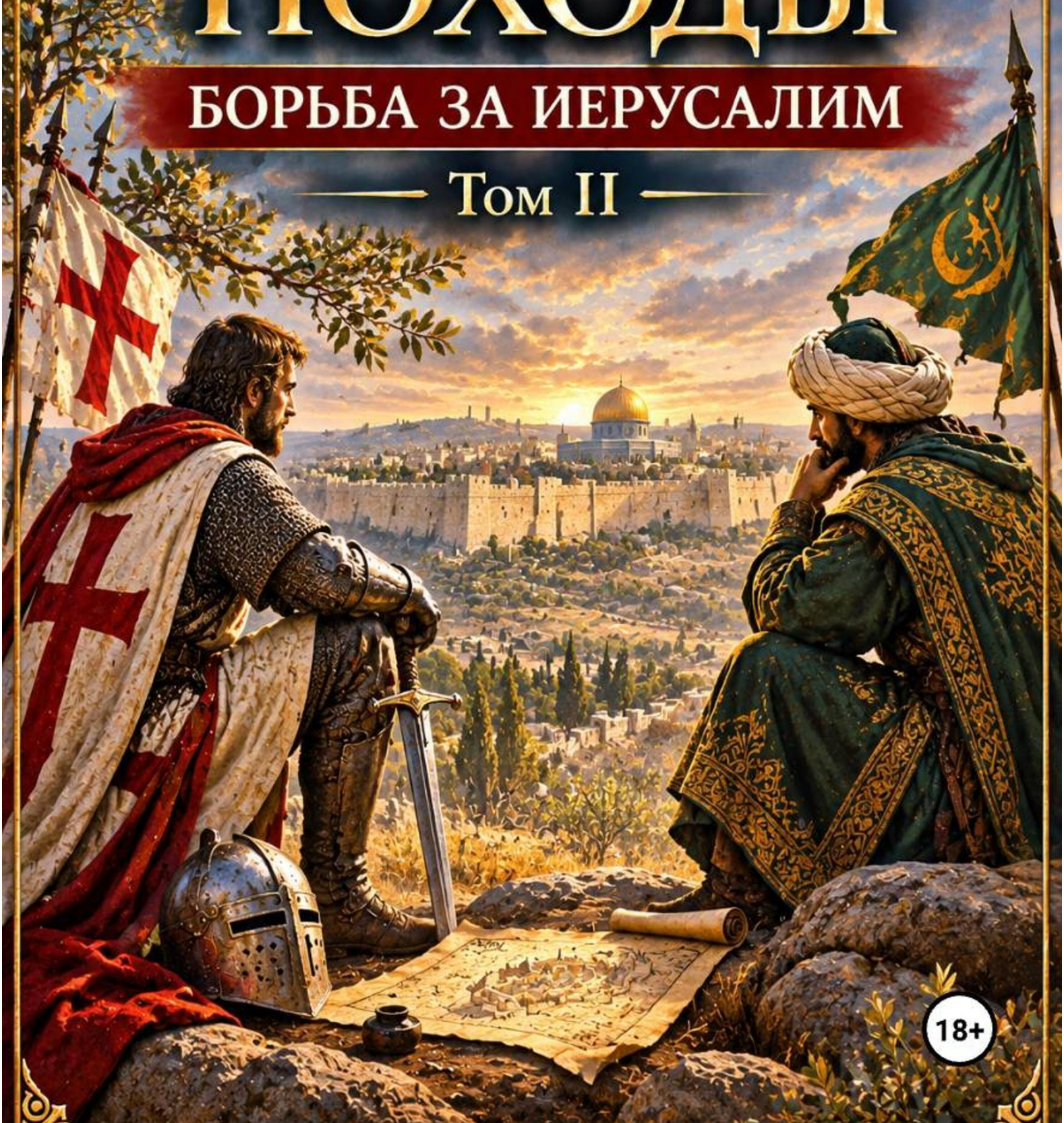
Надточий Владислав Дмитриевич

с крестом и мечом

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

БОРЬБА ЗА ИЕРУСАЛИМ

Том II

18+

Владислав Надточий

Том II. Крестовые походы: Борьба за Иерусалим. С крестом и мечом

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Том II. Крестовые походы: Борьба за Иерусалим. С крестом и мечом / В. Д. Надточий — «Автор», 2026

Как удержать Святую землю, когда победа уже одержана, а врагов становится всё больше? Почему могущественные короли теряли города, которые казались неприступными? И кто на самом деле решал судьбу Иерусалима?Второй том монографии «Крестовые походы: борьба за Иерусалим» переносит читателя в XII век — эпоху великих сражений, опасных союзов, дворцовых интриг и борьбы за власть над Святой землёй.Балдуин I, Саладин, Ричард Львиное Сердце и другие исторические деятели предстают не легендарными героями, а людьми, чьи решения меняли судьбы государств и народов.Опираясь на свидетельства латинских, византийских и мусульманских хронистов, автор раскрывает события с разных сторон, отделяя исторические факты от позднейших преданий.Это история не только войн, но и дипломатии, веры, человеческих амбиций и хрупкого мира, который порой оказывался ценнее победы.

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Королевство без людей (1100–1118) 6
Глава 2. Жизнь в Заморье 20
Глава 3. Монахи с мечом: госпитальеры и тамплиеры 35
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Владислав Надточий
Том II. Крестовые походы: Борьба за Иерусалим. С крестом и мечом

Надточий В. Д.
С КРЕСТОМ И МЕЧОМ
Том II
КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ: БОРЬБА ЗА ИЕРУСАЛИМ

Глава 1. Королевство без людей (1100–1118)

На Рождество 1100 года в базилике Рождества в Вифлееме патриарх Даимберт возложил корону на голову Балдуина Булонского. Брат Балдуина Готфрид отказался носить корону там, где Христос носил терновый венец. Балдуин принял королевский титул. Он стал первым латинским королём Иерусалима и правил восемнадцать лет. За годы его правления Иерусалимское королевство укрепилось, хотя его положение оставалось непрочным.

Положение нового короля было почти безнадёжным. Большинство участников похода вернулось домой. Фульхерий Шартрский, капеллан Балдуина, приехавший с ним из Эдессы, пишет, что во всём королевстве едва набиралось триста рыцарей и столько же пехотинцев, способных защищать Иерусалим, Яффу, Рамлу и Хайфу. Остальные города оставались в руках мусульман. Дороги кишели разбойниками, а из Египта в любой момент могло прийти новое войско. Фульхерий признаётся, что франки боялись выходить за стены без охраны, а ночью сторожили по очереди, потому что людей не хватало.

К началу XII века на восточном берегу Средиземного моря существовали три латинских владения: Иерусалимское королевство, Антиохийское княжество и Эдесское графство. Четвёртое — графство Триполи — возникло после взятия города в 1109 году. В западной традиции эти земли получили название Outremer — «Заморье».

Главный свидетель этих событий — Фульхерий Шартрский. Его «Иерусалимская история» доведена до событий 1127 года; обстоятельства смерти автора остаются не вполне ясными. Рядом с ним стоят Альберт Ахенский, чья хроника заканчивается 1121 годом, и дамасский летописец Ибн аль-Каланиси, о котором шла речь в томе I. Для Антиохии важны Радульф Канский и Готье Канцлер, для Эдессы армянин Матфей Эдесский. Особое место занимает Вильгельм Тирский, архиепископ, писавший в 1170–1180-х годах большую историю королевства. Он родился уже на Востоке и знал его изнутри, но о первых годах писал по чужим рассказам. Из современных историков общую картину эпохи лучше всего дают Ганс Эберхард Майер в книге «Крестовые походы» (1965), Иешуа Правер в «Латинском королевстве Иерусалимском» (1972) и Малкольм Барбер в «Государствах крестоносцев» (2012).

В молодости Балдуина готовили к духовному званию, однако позднее он захватил Эдессу. На иерусалимском престоле он показал себя таким, каким его знали спутники: решительным, честолюбивым и неутомимым. Фульхерий, хорошо знавший короля, хвалит его храбрость и щедрость, но не скрывает, что Балдуин любил власть и не терпел соперников.

Первым соперником оказался патриарх. Даимберт Пизанский мечтал сделать Иерусалим церковным владением, а короля вассалом патриарха. Балдуин не собирался ему подчиняться. Он ловко использовал недовольство духовенства, обвинения в растрате денег, присланных из Апулии, и поддержку папских легатов. В 1102 году Даимберта низложили, потом на время восстановили, а в конце концов он уехал в Рим и умер в Мессине в 1107 году, так и не вернувшись. С тех пор патриархи Иерусалима были людьми короля, а сам вопрос о том, кому принадлежит Святой город, больше не ставился.

Второй задачей была армия. Балдуину нужны были рыцари, а взять их было негде. Он раздавал земли и доходы всем, кто соглашался остаться, принимал на службу паломников, приезжавших весной и осенью с кораблями, нанимал воинов на деньги от добычи и дани. По словам Фульхерия, король не скупился и говорил, что предпочитает сокровищу верных людей. Постепенно вокруг него складывалась знать, получившая земли в Галилее, вокруг Яффы, Рамлы и Хеврона. Эти сеньоры приносили присягу королю и обязаны были являться к нему со своими рыцарями. Так на Востоке был воспроизведён тот порядок, который франки знали на родине.

Третьей задачей было море. Без портов королевство не могло жить. Через них шли паломники, оружие, деньги и подкрепления с Запада. Поэтому первые полтора десятилетия правления Балдуина прошли в осадах приморских городов.

Морские рейсы связывали королевский двор с европейскими государями и церковными центрами. Корабли доставляли подкрепления, послания, пожертвования, мастеров и предметы для богослужения. Однако плавания зависели от погоды и времени года, поэтому король не мог рассчитывать на прибытие помощи к определённому сроку.

Для овладения прибрежными городами одной сухопутной армии было недостаточно: осаждённые могли получать продовольствие и подкрепления морем. Поэтому короли заключали соглашения с итальянскими морскими общинами. За военную помощь союзники получали торговые привилегии, городские участки и долю доходов. Взятие порта укрепляло королевство, но новые обязательства ограничивали свободу действий правителя.

В первые годы после коронации Балдуина I положение Иерусалимского королевства определялось не столько протяжённостью границ, сколько возможностью удерживать отдельные укреплённые пункты и дороги между ними. Латинская власть не образовывала сплошной полосы владений, защищённой единой линией крепостей. Между городами лежали сельские области с собственными общинами, землевладельцами и хозяйственными связями. Их жители далеко не всегда связывали свою судьбу с новым правителем. Королю приходилось добиваться признания своей власти не одним военным успехом, а постоянным присутствием гарнизонов, переговорами и способностью обеспечить хотя бы относительную безопасность торговых путей.

Взятие приморского города давало короне пошлины и новые возможности для снабжения, но требовало уступок морским союзникам. Генуэзцы, пизанцы и венецианцы добивались собственных кварталов и торговых прав. В результате власть Балдуина укреплялась военным путём, тогда как часть будущих городских доходов заранее переходила к тем, без чьих кораблей осада могла не состояться.

Особое значение имело то, что участники Первого крестового похода не составляли единого народа или единой армии, готовой безусловно подчиняться иерусалимскому королю. Среди них были выходцы из различных областей Франции, Нормандии, Фландрии, Италии и германских земель. Одни искали земли и службы, другие собирались исполнить обет и вернуться домой. Для Балдуина это означало необходимость строить власть на личных связях и взаимных обязательствах. Пожалование дохода или владения позволяло удержать рыцаря на Востоке, но одновременно создавало нового местного господина, заинтересованного в самостоятельном распоряжении своими людьми и средствами. Впоследствии это противоречие между потребностями короны и правами знати станет одной из постоянных особенностей политической жизни Заморья.

Отношения с местным населением определяли повседневную жизнь королевства. Здесь жили мусульмане, христиане восточных церквей, евреи и переселенцы с Запада. Различия в вере и правовом положении сохранялись, но хозяйство требовало сотрудничества: нужно было обрабатывать землю, собирать урожай, распределять воду и доставлять товары на рынки. Латинских переселенцев не хватало, чтобы заменить прежнее население. Поэтому правители опирались на сложившиеся хозяйственные связи, местных посредников и привычные способы сбора платежей. Положение отдельных общин при этом заметно различалось от владения к владению.

Противники Балдуина не составляли единого союза и не действовали по общему плану. Египетские Фатимиды, правители Дамаска и другие мусульманские владетели преследовали собственные интересы и нередко соперничали между собой. Для Иерусалимского королевства эти разногласия создавали возможности, но не гарантировали безопасности. Перемирие с одним соседом не исключало набега другого; успех под стенами приморского города мог сов-

пасть с угрозой на дороге к Иерусалиму. Именно поэтому политика первых королей сочетала походы, оборону крепостей, переговоры и быстрые ответные действия. Суждение о её результатах требует учитывать не только отдельные победы, но и то, насколько устойчивыми оказывались приобретения после ухода войска.

Письменные свидетельства позволяют восстановить лишь часть этой картины. Латинские хронисты прежде всего описывали королей, епископов, сражения и религиозные события. Повседневные заботы крестьян, ремесленников и торговцев попадали в их повествование гораздо реже. Поэтому известия Фульхерия Шартрского необходимо читать с учётом его положения при дворе и целей самого сочинения. Он был очевидцем многих событий и ценным свидетелем времени, но его рассказ не превращает все переданные оценки в бесспорные факты. Для понимания раннего Заморья особенно полезно сопоставлять политическое повествование с данными о поселениях, дорогах, хозяйстве и городской жизни. Такое сопоставление показывает, что прочность королевства зависела от множества решений, которые не выглядели столь впечатляюще, как битвы и коронации.

Задача Балдуина заключалась не в простом продолжении похода 1099 года. Ему предстояло превратить разрозненные военные приобретения в государство, способное пережить отъезд большинства завоевателей. Для этого требовались деньги, гавани, гарнизоны, союзники и признанная власть. Ни один из этих элементов не существовал отдельно от остальных: отсутствие морской связи ослабляло армию, нехватка людей заставляла расширять права землевладельцев, а незащищённость дорог сокращала торговлю и королевские доходы. Именно в этой взаимозависимости заключалась главная трудность первых десятилетий латинского присутствия в Святой земле.

Первая Пасха нового королевства едва не обернулась бедой, о которой хронисты вспоминали с ужасом. Каждый год в Великую субботу в храме Гроба Господня ждали схождения Благодатного огня: лампады у Гроба зажигались, как верили паломники, сами собой, и этот свет разносили по городу. Для восточных христиан это было главное чудо года, и франки, придя в Иерусалим, приняли его с не меньшим благоговением.

В 1101 году ожидаемого огня не было. Фульхерий Шартрский, находившийся тогда в Иерусалиме, рассказывает, как толпа, наполнившая храм, ждала весь день, как пели, молились и плакали, как наступил вечер и люди начали расходиться в смятении. Генуэзец Каффаро, будущий летописец своего города, тоже стоял тогда в храме вместе с моряками своего флота и описывает ту же тревогу. На следующее утро, в день Пасхи, после новых молитв и покаянных шествий, огонь наконец появился, и ликование было тем сильнее, чем сильнее был страх.

Что означала эта задержка, современники понимали по-разному. Одни видели в ней кару за грехи завоевателей. Другие, и среди них, по-видимому, греческие монахи, связывали её с тем, что патриарх Даимберт изгнал из храма восточное духовенство и отнял у него алтари и доходы. Британский историк Бернард Гамильтон в книге о латинской церкви крестоносных государств обратил внимание на то, что вскоре после этого православным клирикам вернули их места у Гроба. Если связь была, то это был первый урок, который франки получили на Востоке: править святыми местами, не считаясь с теми, кто молился в них веками, нельзя.

Позже при храме сложился порядок совместного богослужения: латинские каноники служили у главного алтаря, а греки, армяне, сирийцы и другие имели свои приделы и часовни. Русский игумен Даниил, которого мы ещё упомянем, через шесть лет видел схождение огня рядом с королём Балдуином и записал, что лампады латинян у Гроба не зажглись, а зажглись только греческие. Был ли это укор франкам или просто благочестивая гордость православного паломника, судить трудно.

Спор о доступе к святыням имел практическое значение. В Иерусалиме задолго до прихода крестоносцев жили христианские общины с различными обрядами, языками и церковными связями. Латинским властям приходилось решать, какие порядки вводить в храмах и

какие прежние обычаи сохранять. Единой политики на все случаи не существовало: решения зависели от конкретной общины, святыни и обстоятельств.

В повествовании о Благодатном огне хронист передаёт события вместе с объяснениями современников. Для одних задержка становилась свидетельством небесного недовольства, для других — доводом в споре о правах духовенства. Историк может проследить эти объяснения и их политическое значение, но не должен выдавать религиозное толкование источника за установленную причину происшедшего. В этом различии между свидетельством и объяснением заключается важное условие внимательного чтения средневековой хроники.

Весной 1101 года в Яффу пришёл генуэзский флот. С его помощью Балдуин в апреле взял Арсуф, сдавшийся на условиях, а в мае штурмом Кесарию. Кесария была богатым городом, и после штурма здесь повторились сцены, знакомые по Иерусалиму. Фульхерий пишет, что многих жителей перебили, а пленных выкупали за золото. Генуэзцам досталась треть добычи и особенно ценный трофей, о котором рассказывает их земляк, хронист Каффаро. Он был среди участников этого похода совсем молодым человеком, а позже стал генуэзским консулом и написал «Анналы» своего города. Это большая зелёная чаша гранёного стекла, которую генуэзцы приняли за изумрудную и считали тем самым сосудом, из которого Христос ел на Тайной вечере. Так называемая Святая чаша, Sacro Catino, до сих пор хранится в сокровищнице генуэзского собора Сан-Лоренцо. В позднейшем Средневековье её иногда отождествляли со Святым Граалем.

В 1104 году, снова с генуэзцами, Балдуин взял Акру, лучшую гавань побережья. Город сдался на условиях, но и здесь, по словам хронистов, итальянцы нарушили договор и начали грабить. Акра стала главным портом королевства, а позже и его второй столицей. В 1109 году пал Триполи, в 1110 году Бейрут и Сидон.

В 1110 году к берегам Палестины прибыл норвежский король Сигурд, сын Магнуса Голоногого, с большим флотом. Его путь через Западную Европу и Средиземное море описан в «Круге земном» Снорри Стурлусона, созданном более века спустя. Сведения саги требуют осторожного отношения, однако участие норвежцев в походе подтверждают и латинские хронисты. Балдуин I принял Сигурда и заручился его помощью при осаде Сидона. Норвежские корабли блокировали гавань, и в декабре 1110 года город сдался. Согласно саге, в благодарность Сигурд получил частицу Святого Креста. На родину он возвращался через Константинополь и Русь; за паломничество в Иерусалим его прозвали Йорсалафари.

Взятие Бейрута в 1110 году не было простым повторением предыдущих осад. Город располагался на участке берега, где горы подходят близко к морю, а сухопутные пути связывали гавань с внутренними областями Ливана. Для Балдуина I это означало возможность сократить расстояние между уже занятыми портами и ослабить сообщение египетских гарнизонов с севером. Но такое приобретение требовало людей: после штурма нужно было оставить гарнизон, наладить охрану ворот, восстановить повреждённые участки стен и определить, кто будет получать городские доходы. Победа увеличивала территорию королевства и одновременно расширяла круг его постоянных расходов.

Латинские хроники подробно рассказывают о приступе Бейрута, но почти не сообщают о судьбе его жителей после падения города. Поэтому по известиям о добыче нельзя определить ни масштабы переселения, ни скорость восстановления торговли. Эти вопросы остаются открытыми.

При осаде Сидона решающим оказалось прибытие норвежских кораблей. Они затруднили снабжение гарнизона с моря, но Сигурд не намеревался оставаться в Палестине. Балдуин должен был добиться капитуляции, пока союзный флот находился у берегов города.

Спутники Сигурда прибыли не только для поклонения святыням: они участвовали и в военных действиях. После взятия Сидона норвежцы продолжили путь, а Иерусалимское королевство по-прежнему не располагало сильным собственным флотом.

Неудача под Тиром в 1111–1112 годах особенно ясно показала границы такого способа расширения. Тир был укреплён и мог рассчитывать на помощь извне; его положение затрудняло действия армии, которая не имела полного господства на море. Осаждавшие должны были не только приблизить машины к стенам, но и поддерживать снабжение лагеря, следить за возможным нападением со стороны суши и удерживать воинов на месте в течение долгого времени. Даже хорошо организованная осада могла завершиться отступлением, если противник сохранял связь с внешним миром, а у нападавших истощались силы и припасы.

Осада затрагивала и соседние поселения. По дорогам шли обозы и вооружённые отряды, для осадных работ заготавливали древесину. Поля страдали от передвижения войск, торговля нарушалась, хотя перевозки и снабжение лагеря давали некоторым жителям заработок. Хронисты, сосредоточенные на действиях правителей и рыцарей, редко описывали эти хозяйственные последствия.

Бейрут и Сидон удалось взять при поддержке союзных кораблей; под Тиром тех же средств оказалось недостаточно. Результат осады зависел от состояния укреплений, снабжения гарнизона и возможности перекрыть морские подходы. Балдуин расширял владения по мере появления подходящих сил, а не по заранее намеченной непрерывной линии.

К концу правления Балдуина I на побережье оставались непокорёнными только два города, Тир и Аскалон. Тир, стоявший на острове, соединённом с берегом узкой дамбой, отбил осаду 1111–1112 годов. Аскалон оставался египетской крепостью, откуда совершались набеги на юг королевства. Тир возьмут в 1124 году, Аскалон лишь в 1153-м.

После взятия прибрежных городов Балдуину приходилось выделять людей для охраны дорог, связывавших гавани с внутренними крепостями. Победа у моря не устраняла угрозы нападений на обозы и паломников.

Непокорённые Тир и Аскалон оставались базами противников королевства: их гарнизоны поддерживали связи с соседними мусульманскими владениями и угрожали латинским поселениям.

Порты приносили королевству помощь, но высадка оставалась опасной. Гавань Яффы, через которую в первые годы прибывали паломники, плохо укрывала суда от ветра. Корабли бросали якорь у открытого берега, а пассажиров и грузы перевозили на лодках. Английский паломник Зевульф прибыл сюда в октябре 1102 года. Он успел сойти на берег, а на следующий день разразилась буря.

Зевульф стоял на берегу и видел, как волны срывали корабли с якорей и разбивали их о скалы. Люди цеплялись за мачты и доски, многие тонули на глазах у тех, кто стоял на суше и ничем не мог помочь. Тела выбрасывало на берег, и потом их собирали и хоронили несколько дней. По его подсчёту, из тридцати кораблей, стоявших у Яффы, двадцать три погибли, а утонуло больше тысячи человек. Сам Зевульф благодарит Бога, что сошёл на берег накануне. Его рассказ, простой и страшный, лучше любых рассуждений объясняет, почему короли так стремились взять Акру с её закрытой гаванью.

Опасность представляли и корабли Фатимидов. Египет располагал военным флотом, который мог поддерживать гарнизоны прибрежных крепостей и угрожать перевозкам у палестинского берега. Однако господство на море менялось в зависимости от сезона, состава прибывших итальянских эскадр и положения отдельных портов. Взятие Тира в 1124 году заметно укрепило позиции латинян, но не устранило морскую угрозу окончательно.

Морской путь из Европы оставался долгим и рискованным. Переход из итальянских или южнофранцузских портов мог занять недели, а при неблагоприятной погоде затягивался. Зимние штормы ограничивали плавание, хотя сезонность не означала полного прекращения сообщений. Пассажиры страдали от тесноты, недостатка пресной воды и болезней. Перевозка паломников приносила судовладельцам доход, но её условия зависели от конкретного судна и заключённого соглашения.

Между тем морское сообщение не было единственным способом добраться до Святой земли. Уже в 1101 году из Европы выступили новые большие отряды, вдохновлённые успехом Первого крестового похода. Среди их предводителей были люди, не успевшие принять участие в завоевании Иерусалима, а также те, кто прежде повернул домой и теперь стремился восстановить свою репутацию. Они шли через владения византийского императора Алексея I и далее через Малую Азию, рассчитывая повторить путь победителей 1097–1099 годов. Однако обстановка на востоке полуострова за прошедшее время изменилась: сельджукские и данишмендидские правители лучше понимали способы ведения войны против западной тяжёлой конницы.

Участники похода 1101 года не образовали единой армии. Ломбардские, французские и германские отряды двигались раздельно, соединялись и вновь расходились, а их предводители по-разному представляли себе ближайшую цель. Особенно опасным оказалось стремление части воинов отклониться к северо-востоку, в сторону владений Данишмендидов, где находился в плену Боэмунд Антиохийский. Освобождение прославленного князя выглядело достойным предприятием, но уводило войско от наиболее известных дорог к Сирии и увеличивало расстояние между обозами и возможными пунктами снабжения.

В августе 1101 года одно из крупнейших соединений было разбито близ Мерзифона. Противники избегали сражения на условиях, удобных франкам, тревожили их на марше и использовали усталость людей и животных. Поражение сопровождалось распадом порядка в лагере и тяжёлыми потерями среди тех, кто не мог быстро отступить. Другие отряды, шедшие через центральную Анатолию, также потерпели поражения. Небольшие группы выживших сумели пробиться к византийским владениям или к побережью, а затем продолжить путь на Восток. Масштаб потерь известен главным образом из повествовательных источников; приводимые ими числа нельзя принимать без проверки.

Поражения 1101 года сорвали надежды Балдуина на прибытие новых сухопутных войск. Путь через Малую Азию оставался опасным даже для больших армий; для успеха требовались согласованное командование, проводники и надёжное снабжение. Тем важнее становились небольшие отряды, прибывавшие морем.

Ломбардские, французские и германские участники похода несли потери ещё до крупных сражений. Долгие переходы, нехватка воды и фуража, разногласия между предводителями истощали их силы.

Хронисты связывали неудачи с гордыней и нарушением обетов. Их оценки помогают понять представления современников, но не заменяют анализа маршрутов, снабжения и командования. Позднейшие авторы к тому же судили о решениях предводителей, уже зная исход похода.

Морские перевозки тоже зависели от погоды и сезона. Прибытие крупного флота могло изменить планы Балдуина, но выгруженные в порту припасы ещё требовалось доставить в крепости по небезопасным дорогам. Снабжение связывало гавани, склады, перевозчиков и вооружённые конвои.

Главной угрозой в первые годы был Египет. Везир аль-Афдаль, разбитый при Аскалоне, не смирился с потерей Палестины. Он собрал новые войска и почти каждый год посылал их через Синай к Аскалону, а оттуда к Рамле и Яффе.

В сентябре 1101 года у Рамлы Балдуин с небольшим войском встретил египтян. Битва была тяжёлой, франки потеряли многих, но в конце концов обратили противника в бегство. Через восемь месяцев, в мае 1102 года, египтяне пришли снова. Балдуин, получив ложные сведения о малочисленности врага, бросился навстречу всего с двумя сотнями рыцарей, без пехоты. Это было ошибкой. При Рамле его окружило огромное войско. Почти все франки погибли или попали в плен. Среди павших были Стефан Блуаский и Стефан Бургундский, участники неудачного похода 1101 года, о которых рассказывалось в томе I. Сам король, по

рассказам хронистов, спрятался в высокой траве, а когда египтяне подожгли её, бежал ночью с несколькими спутниками и добрался до Арсуфа.

Король, казалось, был обречён. Но через несколько дней в Яффу пришли корабли с паломниками, и Балдуин, собрав всех, кто мог держать оружие, снова вышел к Рамле и отбросил египтян, уже считавших победу полной. Фульхерий видит в этом спасении чудо и подробно описывает, как близко было королевство к гибели.

Третья битва при Рамле, в августе 1105 года, была самой большой. С египтянами пришли и дамасские тюрки. Балдуин собрал всё войско королевства, около пятисот рыцарей и двух тысяч пехотинцев, и после долгого боя одержал победу. Перед боем патриарх обходил ряды с частицей Святого Креста, и это стало постоянным обычаем: реликвию, найденную в 1099 году, отныне несли перед войском в каждой большой битве.

После 1105 года Фатимиды не смогли повторить наступление того же масштаба на Иерусалимское королевство, хотя борьба на границе и у побережья продолжалась. Внутренние трудности Египта и особенности его военной организации сдерживали возможности новых крупных экспедиций. Для Балдуина это означало относительную передышку, а не исчезновение южной угрозы.

Битвы при Рамле показали цену поспешных решений. Победа 1105 года дала королевству передышку, но не устранила угрозу со стороны Аскалона. Балдуину приходилось одновременно охранять дороги, беречь войско и следить за возможным новым наступлением.

Бои на равнине затрагивали и мирных жителей. При приближении египетской армии торговцы откладывали поездки, крестьяне укрывались за стенами, а движение между Яффой и Иерусалимом становилось опасным.

Египетским военачальникам было важно использовать победу прежде, чем к королю подойдут подкрепления. Балдуину же требовалось не допустить разрыва сообщений между побережьем и внутренними крепостями: без них даже уцелевший гарнизон мог оказаться в изоляции.

Сообщения хронистов о численности армий требуют осторожности. Средневековый автор нередко стремился подчеркнуть мужество своих воинов, противопоставляя их небольшое число огромному войску неприятеля. Это не означает, что все приведённые им цифры вымышлены, однако сравнивать их без учёта жанра и обстоятельств нельзя. Надёжнее обращать внимание на последовательность походов, состав союзов, направления движения и последствия сражений — те подробности, которые можно сопоставлять с другими свидетельствами.

Бои при Рамле обнаружили пределы личного участия короля в обороне страны. Он мог возглавить конницу в решающий момент, но не мог одновременно защищать Яффу, галилейскую границу и окрестности Аскалона. Нужны были командиры, способные собрать ополчение и удержать крепости без постоянного присутствия государя. Поэтому возрастала роль местных сеньоров и воинов, служивших в Палестине постоянно. Их заботы отличались от ожиданий прибывавших паломников: первым предстояло сохранить людей и коней для будущих походов, вторые рассчитывали отличиться за несколько недель. Выбор тактики зависел от состава войска и срока, на который его участники могли остаться под знамёнами.

Пока Балдуин воевал на юге, на севере решалась судьба Антиохии. Летом 1100 года Боэмунд попал в плен к Данишменду. Правителем княжества стал его племянник Танкред, покинувший ради этого свои владения в Галилее. Он правил Антиохией как регент, и правил энергично. Он вернул киликийские города, занятые византийцами, и после долгой осады в 1103 году взял у них Латакию, главный порт Северной Сирии, а затем начал теснить алеппского эмира Ридвана.

В 1103 году Боэмунда выкупили. Деньги собрал Балдуин из Бурка, правитель Эдессы, и армянский князь Гог Василий. Танкред, судя по всему, не слишком спешил освобождать дядю.

Вместе с Боэмундом франки Севера решили нанести удар по мусульманской Месопотамии. Весной 1104 года войска Антиохии и Эдессы двинулись к Харрану, древнему городу к югу от Эдессы.

Битва при Харране 7 мая 1104 года стала первым крупным поражением крестоносцев в открытом поле. Против них выступили Сокман ибн Артук, тот самый, что когда-то владел Иерусалимом, и мосульский атабек Джекермыш. Тюрки притворным бегством заманили войско Эдессы в ловушку и разбили его. Балдуин из Бурка и его родственник Жослен де Куртене попали в плен. Боэмунд и Танкред, стоявшие поодаль, бежали. Ибн аль-Асир пишет об этой победе с ликованием: впервые за много лет мусульмане увидели франков бегущими.

Последствия оказались тяжёлыми: Византия вновь заняла Киликию и Латакию, а Ридван вернул часть утраченных земель. Боэмунд решил искать подкрепления на Западе и осенью 1104 года отплыл из Антиохии. Его поездка, брак с французской принцессой и война с Византией описаны в первом томе. В Антиохию он уже не вернулся.

Поездка Боэмунда показала, что идею крестового похода можно обратить и против христианского государства. Весной 1106 года он объезжал Францию вместе с папским легатом Бруно, епископом Сеньи. Его встречали толпы, знатные семьи просили его быть крёстным отцом их детей, а он раздавал реликвии, привезённые с Востока. На большом собрании в Пуатье, по рассказу хрониста Ордерика Виталия, Боэмунд с кафедры призывал рыцарей идти с ним, обещая земли и богатства, и обвинял императора Алексея в предательстве крестоносцев. Легат Бруно, со своей стороны, проповедовал поход в Иерусалим. Что именно обещал папа Пасхалий II, остаётся спорным. Одни историки считают, что папа сознательно благословил войну против Византии, другие, как Кристофер Тайерман, полагают, что Боэмунд ловко соединил в своей проповеди паломничество и личную войну, а папа не стал возражать.

Осенью 1107 года войско Боэмунда переправилось через Адриатику и осадило Диррахий, тот самый город, под которым он воевал с греками ещё в юности вместе с отцом. Но Алексей подготовился лучше, чем в 1081 году. Венецианский и византийский флоты отрезали осаждающих от Италии, в лагере начались голод и болезни, а император не принимал сражения, медленно стягивая кольцо. В сентябре 1108 года Боэмунду пришлось явиться в лагерь императора на реке Девол и подписать договор, текст которого почти целиком приводит Анна Комнина. Боэмунд признавал себя вассалом императора и его сына, обязывался служить им против всех врагов и держать Антиохию как пожалование империи. Патриархом Антиохии должен был стать грек. Договор был унижением, но он так и остался на бумаге: Танкред, правивший в Антиохии, не собирался его исполнять. Сам Боэмунд вернулся в Апулию и больше не поднимался. Его неудачный поход стал первым примером того, что историки позже назовут «политическим» крестовым походом, и о таких походах ещё не раз пойдёт речь в следующих томах.

Танкред снова стал регентом, теперь уже окончательно. Он оказался одним из самых способных правителей латинского Востока. В 1105 году у Артаха он разбил Ридвана Алеппского, вернул Латакию и Киликию и сделал Антиохию самым сильным из франкских государств. Отказался он только от одного: подчиниться Византии. Деволский договор 1108 года, по которому Боэмунд признал себя вассалом императора, Танкред не признал и не исполнил. Он умер в декабре 1112 года, не дожив до сорока лет, от болезни, возможно, тифа. Регентом стал его родственник Рожер Салернский. Томас Асбридж, о книге которого шла речь в томе I, показывает, что именно в эти годы княжество из военного лагеря превратилось в государство, со своими сеньориями, церковью и связями с соседями.

История Антиохии обнаруживает ещё одну слабость латинского Востока: соседние христианские владения далеко не всегда действовали сообща. Правители Эдессы, Антиохии и Иерусалима имели собственные интересы, а споры о крепостях, вассальных обязательствах и добыче нередко оказывались важнее общей опасности. Отношения с Византией добавляли

новый уровень противоречий. Для императора приморские города и области Киликии были частью прежних владений, тогда как западные князья видели в них награду за поход и основание собственной власти.

Дипломатия дополняла военные действия. Возвращение крепости по договору, династический брак, признание сюзеренитета или обмен пленными порой меняли соотношение сил не меньше полевой победы. Союзы не были постоянными: правители исходили из ближайших угроз и доступных средств. Поэтому франки и византийцы могли то выступать сообща, то соперничать, а прежние противники — становиться посредниками в переговорах.

Антиохийский вопрос нельзя свести к спору двух честолюбивых правителей. Для византийского двора город был частью утраченного имперского наследия и важнейшим опорным пунктом на подступах к Сирии. Для норманнской знати он стал наградой за опасный поход и основанием самостоятельного княжества. Оба представления опирались на собственные договоры, присяги и память о недавних событиях. Поэтому каждая смена правителя вновь открывала старый спор: кому принадлежит право назначать гарнизоны, получать доходы и определять внешнюю политику Антиохии? Между тем горожанам и земледельцам требовалась прежде всего безопасность. Их судьба зависела от соглашений, которые заключались далеко от полей и рынков, а затем нередко нарушались при первом военном успехе.

Между Антиохией и Эдессой, в горах Тавра и Антитавра, лежала страна, которая сыграет важную роль во всей истории крестовых походов. Это Киликия, где после падения Великой Армении осели армянские князья. Самым сильным из них стал род Рубенидов, владевший горными крепостями к северу от Киликийской равнины.

В начале XII века главой рода был Торос I. Он правил около тридцати лет, с 1100 по 1129 год, и сумел воспользоваться борьбой франков, византийцев и тюрок, чтобы расширить свои владения. Он то воевал с антиохийскими князьями, то был их союзником, и в 1108 году, по рассказу Матфея Эдесского, отомстил за убийство одного из армянских князей, разгромив крепость его убийц и привезя их сокровища к себе. Матфей описывает Тороса с явной симпатией как защитника армянского народа.

Для франков армяне Киликии были неудобными соседями. С одной стороны, они были христианами и врагами тюрок. С другой, они не желали подчиняться ни Антиохии, ни Византии и постоянно стремились расширить свои земли за счёт и тех и других. На протяжении всего XII века киликийские города переходили из рук в руки, и о походах византийских императоров в Киликию будет рассказано в пятой и седьмой главах.

Со временем армяне Киликии всё теснее сближались с латинянами. Их князья женились на франкских дамах, принимали западные титулы, приглашали франкских рыцарей. В 1198 году князь Левон II будет коронован королём Армении с благословения папы и германского императора. Так возникнет Киликийское армянское царство, которое будет верным союзником латинского Востока до самого его конца. Об этом пойдёт речь в томе III.

Эдесса стояла особняком. Она лежала далеко за Евфратом, в окружении мусульманских земель, и большинство её жителей были армянами и сирийцами-яковитами. Франков здесь было ещё меньше, чем в Палестине. Графство держалось на союзе с местными армянскими князьями и на браках с их дочерьми.

Балдуин из Бурка, получивший Эдессу от своего двоюродного брата в 1100 году, последовал его примеру и женился на Морфии, дочери армянского правителя Мелитены Гавриила. Плен после Харрана продлился четыре года. Пока Балдуин сидел в темнице, графством правил Танкред, а потом его родственник Ричард Салернский, и местные жители, по словам Матфея Эдесского, страдали от их поборов. В 1108 году Балдуина и Жослена наконец выкупили. Танкред не хотел отдавать Эдессу, и между франками дело дошло до открытой войны, в которой обе стороны призывали на помощь мусульманских союзников. Этот эпизод напоминает, что в

Сирии начала XII века линия фронта проходила совсем не там, где её рисовала идея крестового похода.

Армянский хронист Матфей Эдесский, переживший эти годы в своём городе, пишет о франках с горечью. Он ценит их храбрость, но обвиняет в жадности, неблагодарности и жестокости к местным христианам. Особенно мрачно он описывает зиму 1110–1111 года, когда тюркские набеги опустошили всю восточную часть графства, а франки, по его словам, бросили жителей на произвол судьбы. Кристофер Маккевитт, чья книга уже упоминалась в томе I, считает, что Матфей во многом прав: франкская власть в Эдессе держалась не на любви подданных, а на равновесии сил. Тем не менее она продержалась почти полвека.

Соседство армянских князей и латинских графов создавало сложную картину союзов. Родственные связи облегчали переговоры, но не отменяли разницы в церковных обычаях, правовых представлениях и отношении к местной знати. Одно и то же укрепление могло служить защитой от набегов и одновременно предметом спора между христианскими правителями. В таких условиях вассальная клятва не всегда означала безусловное подчинение: её смысл зависел от конкретных обещаний, наличия военной поддержки и способности сюзерена защитить своего союзника. Повествование о походах обычно выдвигает на первый план имена графов и князей. Но в горных областях устойчивость власти определяли также местные общины, знавшие перевалы, источники воды и дороги, по которым можно было провести небольшой отряд, минуя сильные крепости.

Раймунд Тулузский умер в 1105 году в замке Мон-Пелерен, так и не овладев Триполи. Городом управляли кадии из рода Бану Аммар. Эта состоятельная и образованная семья поддерживала торговлю и учёность. Триполи славился шёлком, сахарным тростником и библиотекой, известной по сообщениям арабских авторов как Дом знания.

Осаду продолжил двоюродный брат Раймунда, Гильом-Иордан, граф Сердани. Но в 1109 году с Запада приплыл старший сын Раймунда, Бертран, с генуэзским флотом, и потребовал отцовское наследство. Спор двух франкских претендентов мог погубить всё дело. Его разрешил король Балдуин, созвавший под стенами Триполи совет всех вождей Заморья. Бертрану достался Триполи, Гильому-Иордану северные земли, а оба признали верховную власть короля. Вскоре Гильом-Иордан погиб от стрелы при неясных обстоятельствах, и всё графство отошло Бертрану.

12 июля 1109 года Триполи пал после почти пятилетней осады. Позднейшие мусульманские авторы рассказывали, что франки сожгли знаменитую библиотеку Бану Аммар со множеством книг. Современники об этом молчат, и многие историки считают рассказ преувеличением или легендой, родившейся позже. Но сама легенда показывает, каким воспоминанием осталась эта потеря в арабской культуре.

Пятилетняя борьба за Триполи отличалась от стремительного штурма Иерусалима в 1099 году. Осаждавшим требовалось удерживать лагерь и укрепления в течение нескольких сезонов, доставлять продовольствие и не допускать свободного сообщения города с внешним миром. В таких условиях особенно заметна была роль соседних латинских владетелей и морских союзников. Их интересы совпадали лишь отчасти: один стремился получить наследственное графство, другой — долю добычи или торговые преимущества, третий — ослабить соперника на побережье. Долгая осада поэтому становилась одновременно военной операцией и переговорами о будущем распределении власти.

После падения Триполи победителям пришлось решать вопросы, которых не существовало на поле боя. Кто получит доходы гавани? Какие обязательства сохранят местные торговцы? Как обеспечить безопасность окрестных селений, без урожая которых гарнизон не сможет долго существовать? Ответы складывались постепенно и зависели от соглашений между графом, его вассалами и морскими общинами. Нельзя считать, что завоевание автоматически превращало город в точную копию европейского феодального владения: здесь уже действовали

собственные хозяйственные связи и традиции управления, с которыми новые господа были вынуждены считаться.

Так возникло четвёртое латинское государство — графство Триполи. Его территория простиралась узкой полосой между Средиземным морем и Ливанскими горами. Графство связывало Антиохию с Иерусалимским королевством и дополняло цепь франкских владений на побережье. Историю этого государства подробно исследовал Жан Ришар.

Первые десять лет мусульманские правители Сирии почти не пытались выбить франков сообща. Ридван Алеппский и Дукак Дамасский по-прежнему враждовали, а Дукак умер в 1104 году, и в Дамаске власть перешла к его атабеку Тугтегину, опытному и осторожному тюркскому полководцу. Тугтегин предпочитал договариваться с франками о разделе доходов с пограничных земель, чем воевать.

Инициатива перешла к Мосулу и к сельджукскому султану Мухаммаду, который к 1105 году наконец выиграл войну с братьями за наследство отца. Султан поручил войну с франками мосульскому атабеку Мавдуду. С 1110 по 1113 год Мавдуд каждый год водил большие армии на Эдессу и Сирию. Он опустошал земли графства, осаждал Эдессу и Турбессель, но взять крепости не мог. Сирийские эмиры, включая Ридвана, боялись его не меньше, чем франков, и часто закрывали перед ним ворота своих городов.

По сообщению Ибн аль-Каланиси, в 1111 году сирийские беженцы прибыли в Багдад и потребовали от властей выступить против франков. Во время выступления в соборной мечети они повредили кафедру проповедника. Халиф и султан пообещали помощь. Этот эпизод свидетельствует о растущем общественном давлении на правителей; призывы к джихаду, прозвучавшие, в частности, в сочинении ас-Сулами 1105 года, не сразу превращались в военные решения.

В 1113 году Мавдуд вместе с Тугтегином вторгся в Галилею. У моста ас-Синнабра, у южного края Тивериадского озера, король Балдуин, поспешивший навстречу без помощи северных союзников, попал в засаду и потерпел поражение. Королевство снова оказалось на грани катастрофы, но мусульманское войско не смогло развить успех. Осенью того же года Мавдуд, вернувшись в Дамаск, был убит в соборной мечети Омейядов, прямо после пятничной молитвы. Убийцу считали низаритом, одним из тех, кого позже назовут ассасинами, но многие современники, и среди них Ибн аль-Асир, подозревали самого Тугтегина, опасавшегося усиления мосульского атабека.

Ибн аль-Асир сохранил рассказ, будто бы после убийства Мавдуда король Балдуин написал Тугтегину письмо со словами: народ, который убивает своего вождя в доме своего бога, заслуживает того, чтобы Бог его уничтожил. Скорее всего, это письмо вымышлено. Но оно показывает, как сами мусульманские авторы оценивали раздоры, мешавшие отпору франкам.

Последнюю большую попытку при жизни Балдуина сделал атабек Бурсук в 1115 году. Против него неожиданно объединились франки и сирийские эмиры, включая Тугтегина и Ильгази из рода Артукидов, которые боялись султана больше, чем латинян. Рожер Салернский, регент Антиохии, внезапно напал на войско Бурсука при Телль-Данисе и разгромил его. После этого султан на время отказался от походов в Сирию, а местные эмиры остались наедине с франками.

В 1111–1115 годах соперничество сирийских правителей влияло на ход войны не меньше противостояния франкам. Дамаск опасался вмешательства Мосула, угрожавшего его самостоятельности, и потому допускал временные соглашения с Иерусалимом. Такие союзы не устраняли религиозных разногласий: каждый правитель стремился сохранить свои владения и не допустить усиления соседа.

Пока север отбивался от Мосула, Балдуин раздвигал границы на юге. Его взгляд обратился за Иордан и Мёртвое море, в пустынные земли древних Моава и Эдома. Здесь проходили

караванные пути из Дамаска в Египет и Аравию, по которым шли купцы и паломники в Мекку. Тот, кто контролировал эти дороги, мог брать с караванов пошлину или грабить их.

В 1115 году Балдуин построил в горах к юго-востоку от Мёртвого моря крепость, которую назвал Монреаль, «Королевская гора». Сегодня её руины известны под арабским именем Шаубак. Год спустя король с отрядом прошёл ещё дальше на юг, до Айлы на берегу Акабского залива, и, по словам Фульхерия, искупался в Красном море. Затем он дошёл до монастыря Святой Екатерины на Синае, но монахи, опасаясь гнева египтян, упросили его не входить в обитель. Так франки впервые вышли к морю, через которое шёл путь в Индию.

Заиорданские владения станут богатой и важной сеньорией, которую позже назовут Трансиорданией, или Землёй за Иорданом. Через полвека из этих крепостей будет совершать свои набеги на караваны и даже на Красное море Рено Шатильонский, и его дерзость станет одной из причин катастрофы при Хаттине, о которой рассказывается в девятой главе.

Монреаль позволял наблюдать за дорогами восточной Аравы, но не обеспечивал власти над всей пустыней. Караваны могли обходить опасные участки; гарнизону же требовались вода, разведка и подвижные отряды. Для местных жителей новая крепость означала дополнительные сборы, угрозу нападений, а порой и защиту от соперничающих властителей.

Через Трансиорданию проходили пути к Красному морю, которыми пользовались торговцы, посланники и паломники из Сирии и Палестины. Право собирать пошлины приносило доход лишь там, где удавалось обеспечить безопасность переходов и договориться с местными посредниками. Потому для контроля над областью были важны не одни крепости, но также источники воды, стоянки и дороги.

В эти годы, около 1106–1108 года, в Иерусалиме побывал человек, хорошо известный русскому читателю. Это игумен Даниил. Откуда он был родом, точно неизвестно; исследователи предполагают, что из Черниговской земли. Он прожил в Святой земле около шестнадцати месяцев, жил в лавре Саввы Освященного под Иерусалимом и с проводником из местных монахов обошёл почти все святые места Палестины. Своё «Хожение» он написал по возвращении, и оно стало одной из самых любимых книг Древней Руси. Сохранилось более ста пятидесяти его списков.

Даниил смотрел на новую власть глазами православного паломника, и его взгляд неожиданно доброжелателен. Короля Балдуина он называет «князем» и рассказывает, что тот принял его ласково. Ему не мешало, что латиняне держат храм Гроба Господня: он видел, что православные монахи по-прежнему служат в святых местах, и не видел оснований для вражды. Для историка его рассказ важен именно тем, что показывает, как мирно в эти годы уживались в Иерусалиме разные христианские общины.

Самый известный эпизод «Хожения» посвящён пасхальной службе в храме Гроба Господня и схождению Благодатного огня. Даниил попросил у короля разрешения поставить лампаду «от всей Русской земли». Балдуин согласился и велел слуге проводить игумена к гробнице. По рассказу Даниила, в Великую субботу храм наполнился людьми, ожидавшими чуда. Когда возгорелся огонь, зажглась и русская лампада. Игумен перечислил князей, которых поминал у Гроба Господня, и добавил, что молился за всех русских людей.

В той же книге Даниил рассказывает и о том, как опасна была жизнь в Святой земле. Дорога от Яффы к Иерусалиму, по его словам, проходила через горы, где сарацины нападали на путников, и ходить можно было только большими группами. Даже под самим Иерусалимом он не решался отходить далеко без охраны. Рассказ Даниила совпадает со свидетельством англичанина Зевульфа, приводившимся в томе I, и показывает, насколько хрупким оставался мир в первые годы королевства.

Паломничество игумена Даниила показывает, насколько путешественник зависел от корабельного сообщения, проводников и попутчиков. В опасных местах дорогу преодолевали сообща; без сопровождения путь к святыням мог оказаться непосильным.

Даниил описывал прежде всего святыни и богослужения, поэтому его сведения о расстояниях и дорогах требуют сопоставления с другими источниками. Зато рассказ о встрече с Балдуином позволяет увидеть королевский двор глазами православного паломника.

В отличие от придворных хронистов, паломники замечали места ночлега, обряды и встречи с людьми разных языков. Эти наблюдения дополняют историю войн и правителей, хотя тоже зависят от интересов рассказчика.

Брачные союзы Балдуина I были связаны не только с династическими расчётами, но и с поиском политической и финансовой поддержки. Вопрос о наследнике престола при этом оставался открытым.

Первая жена, англо-нормандка Годехильда, умерла в 1097 году в Мараше. Вторым браком, ещё в Эдессе, он женился на дочери армянского князя, которую латинские хронисты называют Ардой. После восшествия на иерусалимский престол отношения супругов ухудшились. Около 1105 года он отправил жену в иерусалимский монастырь Святой Анны. Хронисты поразному объясняют это: одни говорят о неверности королевы, другие о том, что король просто искал предлог избавиться от неё. Позже Арда, по рассказу Вильгельма Тирского, уехала в Константинополь и жила там свободно.

В 1113 году Балдуин женился в третий раз, на Аделаиде дель Васто, вдове графа Сицилии Рожера I и матери малолетнего Рожера II. Это был брак ради денег. Аделаида приплыла в Акру на кораблях, украшенных золотом и серебром, и привезла огромное приданое, которое помогло королю расплатиться с воинами. По брачному договору, если у супругов не будет детей, иерусалимский престол должен был перейти к её сыну, Рожеру Сицилийскому.

Но предыдущий брак Балдуина не был расторгнут по закону, и церковь сочла новый союз двоежёнством. В 1117 году король тяжело заболел и, боясь за спасение души, согласился развестись с Аделаидой. Её отправили назад в Сицилию, без приданого, которое было уже потрачено. Рожер II не простил этого унижения ни матери, ни себе. Вильгельм Тирский связывал с этим конфликтом длительную вражду сицилийского двора к королевству. Однако последующую политику Сицилии нельзя объяснить только судьбой Аделаиды.

Приданое Аделаиды помогло Балдуину покрыть ближайшие военные расходы, но не решило финансовых затруднений королевства. Возвращение супруги без значительной части имущества оскорбило её родню. Позднейшие авторы связывали с этим охлаждение Сицилии к делам латинского Востока, хотя причины сицилийской политики не сводились к одному династическому конфликту.

Его повезли назад, в Иерусалим. На обратном пути, у местечка аль-Ариш на границе Египта и Палестины, 2 апреля 1118 года Балдуин I умер. По его собственному приказу тело забальзамировали, чтобы довезти до Иерусалима. Внутренности похоронили на месте, и арабские авторы ещё долго называли эту груду камней в пустыне «могилой Бардавиля», как они переиначивали имя короля. Тело привезли в Иерусалим в Вербное воскресенье, и, по словам Фульхерия, процессия с пальмовыми ветвями, возвращавшаяся с Елеонской горы, встретила похоронное шествие. Балдуина похоронили в храме Гроба Господня, рядом с братом Готфридом.

После смерти Балдуина I престол предстояло передать новому правителю. Балдуин из Бурка уже находился на Востоке и был хорошо известен местной знати по управлению Эдессой.

Единого установленного порядка избрания короля не существовало. Знать и духовенство совещались, стремясь добиться признания кандидата, способного удержать престол и возглавить оборону королевства.

Часть баронов предлагала послать за его старшим братом Евстафием Булонским, участником Первого похода, давно вернувшимся во Францию. Евстафий даже двинулся в путь, но в Италии узнал, что корону уже отдали другому. Жослен де Куртене и патриарх Арнульф убедили баронов избрать Балдуина из Бурка, графа Эдесского, родственника покойного, который

как раз приехал в Иерусалим на Пасху. 14 апреля 1118 года он стал королём Балдуином II, а Эдессу передал Жослену.

Смена правителя была испытанием и для церковных учреждений. Патриарх участвовал в коронации и мог придать новому королю необходимую религиозную легитимность, но не обладал возможностью самостоятельно управлять всей страной. Бароны, со своей стороны, не могли обойтись без церковного признания, поскольку Иерусалим был не обычной столицей: обладание святынями составляло важнейшую часть представления о законности латинской власти. Взаимная зависимость не исключала конфликтов. Уже при первом короле споры с патриархом показали, что духовный авторитет и распоряжение землями, доходами и гарнизонами далеко не всегда совпадали.

Горожан и сельских жителей смена государя затрагивала прежде всего через безопасность дорог, работу рынков, сбор пошлин и суд. Династический спор становился для них ощутимым, когда задерживались караваны, появлялись новые поборы или вооружённые отряды. Способность короля поддерживать порядок между походами была не менее важна, чем его успехи на поле боя.

За годы правления Балдуина I королевство обзавелось морскими союзниками, сетью вассальных обязательств и способами сбора доходов. Однако многое по-прежнему держалось на личном авторитете короля. Передача короны Балдуину II стала испытанием для порядков, возникших после завоевания Иерусалима.

К 1118 году Заморье выглядело совсем иначе, чем в 1100-м. Франки владели почти всем побережьем от Киликии до Синая, кроме Тира и Аскалона. На юге их власть простиралась за Иордан, до Красного моря, на севере за Евфрат. Четыре латинских владения поддерживали между собой политические и военные связи, но не составляли единого государства. Власть иерусалимского короля над северными правителями была ограниченной.

Новое государство держалось на трёх опорах. Первой были замки и укреплённые города, которые позволяли малочисленным франкам удерживать огромные земли. Второй был постоянный приток людей с Запада: паломников, рыцарей, искавших удачи, итальянских купцов. Третьей была раздробленность противника. Пока Дамаск, Алеппо, Мосул и Каир не могли договориться между собой, франки могли воевать с каждым по отдельности.

Каждая из этих опор была ненадёжной. Рыцарей не хватало всегда, а паломники приезжали на один сезон и уезжали домой. Итальянцы помогали за плату и думали прежде всего о своей торговле. А раздробленность мусульманского мира не могла длиться вечно. Уже в 1119 году войско Антиохийского княжества потерпит тяжёлое поражение от правителя Алеппо Иль-Гази. Но прежде чем рассказывать об этом, нужно посмотреть, как была устроена жизнь в новых государствах, кто в них жил и как франки уживались со своими многочисленными соседями.

Глава 2. Жизнь в Заморье

В первой половине XII века Фульхерий Шартрский, долгое время живший в Иерусалимском королевстве, записал в своей хронике известный пассаж о переселенцах. Обдумай, пишет он, и посмотри, как в наше время Бог превратил Запад в Восток. Мы, бывшие жителями Запада, стали жителями Востока. Кто был римлянином или франком, стал здесь галилеянином или палестинцем. Кто был жителем Реймса или Шартра, стал тирийцем или антиохийцем. Мы уже забыли места нашего рождения, многим из нас они неизвестны, о них больше никто не говорит. Один уже владеет здесь домами и слугами, как будто получил их по наследству. Другой взял в жёны не соотечественницу, а сирийку, армянку или даже крещёную сарацинку. Тот живёт с тестем, этот с зятем, у кого-то здесь пасынок или отчим. Мы пользуемся разными языками попеременно, и туземец, и пришелец стали говорящими на двух языках. Кто был здесь чужим, стал своим, кто был странником, стал жителем.

Фульхерий писал не только о переменах, которые видел вокруг себя. Его слова обращены и к тем, кто ещё оставался в Европе: хронист стремился показать, что в Святой земле можно обрести новый дом. Но за призывом угадывается реальный опыт переселенцев. Они обзаводились семьями и хозяйством, а их заботы всё меньше походили на заботы участников военного похода.

О повседневной жизни Заморья рассказывают не одни латинские хронисты. Особенно ценны наблюдения сирийского эмира Усамы ибн Мункыза, автора «Книги назидания», и андалусского путешественника Ибн Джубайра, посетившего франкские земли в 1184 году. Их свидетельства позволяют взглянуть на соседство разных общин со стороны, хотя каждый из авторов описывал увиденное со своей целью.

Численность населения Иерусалимского королевства приходится оценивать по косвенным свидетельствам: размерам поселений, налоговым документам и сведениям о воинских повинностях. Полных переписей не сохранилось, а цифры хронистов не всегда надёжны.

Историк Иешуа Правер считал, что франков в Иерусалимском королевстве к концу XII века было около ста двадцати тысяч, а всего населения, вместе с местными христианами и мусульманами, в несколько раз больше. Франки, по его мнению, жили почти исключительно в городах и замках, как колониальная элита, отгороженная от местной деревни. Эта картина долго считалась общепринятой.

Израильский историк Ронни Элленблюм в книге «Франкские сельские поселения в Латинском королевстве Иерусалимском» (1998) серьёзно её пересмотрел. Он изучил десятки археологических памятников и документов и показал, что франки селились и в деревне: строили усадьбы, укреплённые дома, основывали новые сёла, куда привлекали переселенцев с Запада, раздавая им землю на выгодных условиях. Такие сёла, например Магна Магомерия, нынешняя Эль-Бира к северу от Иерусалима, имели церковь, укреплённый двор, давильни для винограда и масла. Важно другое наблюдение Элленблюма: франки селились прежде всего там, где жили местные христиане, и были менее широко представлены в районах с преимущественно мусульманским населением. Эта закономерность указывает на важность конфессиональных связей, хотя не позволяет свести всё расселение к одному признаку.

По сравнению с местным населением выходцев с Запада было немного. Поэтому даже там, где франки прочно обосновались, управление, обработка земли и торговля зависели от сотрудничества с людьми иных языков и вероисповеданий.

Иерусалимское королевство было устроено по образцу, который франки знали на родине. Во главе стоял король; престол обычно передавался внутри правящей династии, но согласие влиятельных баронов и церковных иерархов играло существенную роль. Ему принадлежали Иерусалим, Акра, Тир и ряд других городов. Остальная земля была разделена на сеньории,

которыми владели бароны: графство Яффы и Аскалона, княжество Галилейское, сеньории Сидона, Кесарии, Бейрута, Трансиордании и десятки мелких. Каждый сеньор приносил королю оммаж, клятву верности, и обязан был являться на войну с определённым числом рыцарей.

Королевская власть опиралась на письменные распоряжения, печати и свидетельство присутствовавших при составлении грамот. Акты о монастырских владениях и торговых льготах позволяют установить, какие бароны, церковные иерархи и представители городов находились при дворе. Однако документы сохранились главным образом в архивах заинтересованных учреждений. О соглашениях крестьян и мелких ремесленников известно значительно меньше.

Важнейшим институтом для разрешения споров знати был Высший суд, связанный с королём и его баронами. Его полномочия и порядок работы менялись со временем; позднейшие правовые описания нельзя без оговорок переносить на XII век. Для горожан-франков существовал особый Суд горожан под председательством королевского виконта. Местные христиане имели свои суды, где судили по своим обычаям, а мусульмане и евреи жили по своим законам в делах между собой.

Высший суд не был парламентом в современном смысле. Его участники защищали права землевладельцев, от военной службы которых зависела корона. Спор о наследстве или распоряжении фьефом затрагивал и оборону: с землёй были связаны доходы и обязанности по выставлению рыцарей. Поэтому даже сильному королю приходилось считаться с влиятельными вассалами.

Законы королевства дошли до нас в виде сборников XIII века, которые называют Иерусалимскими ассизами. Один из наиболее известных правовых трактатов составил барон и юрист Жан Ибелин в середине XIII века. Позднейшие авторы рассказывали, будто первые законы были записаны ещё при Готфриде, хранились в храме Гроба Господня в ларце, их называли «Письмами Гроба», и погибли при взятии Иерусалима в 1187 году. Британский историк Питер Эдбери в книге о Жане Ибелине (1997) показал, что эта история скорее легенда, призванная придать древность обычаям баронов. Но сами обычаи действительно складывались с первых лет королевства.

Иерусалимская знать была особенной. Она формировалась быстро, из людей очень разного происхождения: младших сыновей знатных семей, простых рыцарей, выдвинувшихся на войне, иногда даже горожан. Многие роды вымирали, потому что мужчины гибли в бою, и тогда их земли через вдов и дочерей переходили к новым пришельцам с Запада. Джонатан Райли-Смит в книге «Феодальная знать и королевство Иерусалимское» (1973) показал, что к концу XII века здесь сложилась небольшая, тесно переплетённая браками аристократия, где все друг другу приходились родственниками, а самые могущественные роды, Ибелины, Гарнье, Бризбары, были выходцами из скромных семей.

Главным богатством Заморья были города. Акра, Тир, Бейрут, Триполи, Антиохия, Яффа стояли на перекрёстке торговых путей, связывавших Средиземноморье с Сирией, Месопотамией, Египтом и, через них, с Индией. Сюда приходили караваны из Дамаска и Багдада, а уходили корабли в Италию, Францию и Испанию.

Власть в городе была устроена сложнее, чем в сельском владении. Королевский чиновник собирал пошлины и следил за интересами государя, местные общины сохраняли собственных старейшин и духовенство, а итальянские купцы добивались особых судов и освобождения от части платежей. Поэтому соседние улицы одного порта могли подчиняться разным властям. Такие привилегии не были простым подарком: морские республики предоставляли корабли, перевозили подкрепления и помогали блокировать прибрежные крепости. Но у уступок была цена. Часть доходов от торговли уходила из королевской казны, а споры между генуэзцами, пизанцами и венецианцами осложняли управление городами.

Значительную роль в морской торговле играли купцы итальянских городов. Генуя, Пиза и Венеция получали за помощь при взятии городов собственные кварталы. Некоторые кварталы

обладали собственной инфраструктурой: с церковью, рынком, складами, банями, пекарней, со своим судом и консулом, присланным из метрополии. В Акре кварталы итальянцев теснились у гавани и были обнесены стенами. Израильский историк Давид Якоби, много писал о том, как устроена была эта торговля. Купцы везли на Запад шёлк, хлопок, сахар, пряности, красители, стекло, а обратно ткани, оружие, металлы, лес.

Прибытие корабля было лишь началом торговой сделки. Груз следовало разгрузить, разместить на складе, обложить пошлиной и продать. Размер расходов зависел от того, какие права имела купеческая община в данном порту. Поэтому грамота о льготах могла оказаться для торговца столь же важной, как надёжная гавань.

Общие интересы не устраняли соперничества Генуи, Пизы и Венеции. Каждая республика стремилась закрепить за своими людьми пристани, склады и судебные права. Король получал от них корабли для перевозок и осад, но уступал часть торговых доходов и полномочий в портовых кварталах.

Не всякая льгота, обещанная при завоевании города, действовала без споров. Время меняло состав жителей, прежние свидетели умирали, а новый правитель мог иначе понимать обязательства своего предшественника. Тогда купеческая община предъявляла грамоту с печатью и напоминала об услугах, оказанных королевству. Противная сторона ссылалась на местный обычай или на ущерб казне. До нас чаще доходят документы о подтверждении прав и урегулировании конфликтов, чем свидетельства о спокойной ежедневной торговле. Поэтому само обилие грамот не следует принимать за доказательство непрерывных тяжб.

За торговыми сделками стоял труд людей, редко упоминаемых хронистами: грузчиков, лодочников, носильщиков, переводчиков и весовщиков. Одни знали местные языки и обычаи рынка, другие — порядок перевозки товаров морем. Повседневная работа требовала сотрудничества представителей разных общин, несмотря на религиозные различия.

Особую проблему представляли меры веса и денежные расчёты. На рынках обращались монеты разного происхождения; цена товара могла называться в одной денежной единице, а выплата производиться в другой. Проверка веса серебра и качества монеты была частью торговой практики. Историку следует соблюдать осторожность: упоминание определённой монеты в документе ещё не доказывает, что именно ею расплатились при каждой сделке. Иногда денежное название служило прежде всего расчётной мерой, понятной участникам договора.

Дороги связывали гавани с деревнями и соседними владениями. По ним перевозили зерно, масло, древесину, камень, шерсть и товары для европейских рынков, перегоняли скот. Одинокие возчики рисковали подвергнуться нападению даже там, где вооружённые отряды проходили беспрепятственно. Охрана и задержки у городских ворот увеличивали торговые расходы. Поэтому строительство крепости или заключение перемирия могли отражаться на городских ценах, хотя военные хронисты редко уделяли этому внимание.

Письменные источники лучше освещают крупных владельцев и привилегированные общины, чем мелкую торговлю. Археологические находки — керамика, гири, остатки мастерских и складских помещений — помогают увидеть то, что не попало в королевские грамоты. Но и они требуют осторожного толкования. Привозной сосуд свидетельствует о перемещении вещи, а не обязательно о путешествии её владельца; иностранная монета могла долго переходить из рук в руки. Лишь сопоставление документов, вещей и расположения городских кварталов позволяет приблизиться к действительному устройству торговли.

Для королевской казны значение портов определялось не только морской торговлей, но и контролем над дорогами, складами и пошлинами. Нарушение подвоза товаров отражалось одновременно на снабжении городов и доходах правителя.

Сахар стал одним из главных товаров Заморья. Франки научились у местных жителей выращивать сахарный тростник и варить сахар, и в окрестностях Тира, Акры и Триполи появились плантации и сахароварни. Археологи раскопали остатки таких производств с огромными

глиняными сосудами для варки и отливки сахара. Торговля через восточное Средиземноморье и Сицилию расширяла доступ европейской знати к сахару, который ещё долго оставался дорогим товаром.

Для производства сахара требовались вода, топливо, оборудование и опытные работники. Срезанный тростник нужно было быстро доставлять на переработку. Сахароварни поэтому зависели от земледельцев, перевозчиков и торговцев. Доходы получали не только работники, но и владельцы земли, оборудования и торговых связей. Развитое производство сахара само по себе не свидетельствует о благополучии всего населения побережья.

Морская торговля зависела от времени года. Весной и летом в порты прибывали купеческие и паломнические суда; зимой штормы нередко прерывали сообщение. Доставка грузов в глубь страны обходилась дорого: купцы платили дорожные пошлины и нанимали охрану караванов. Во время осады цены на зерно резко возрастали. Поэтому одного выхода к морю было недостаточно. Для снабжения городов требовались склады, безопасные дороги и договорённости с перевозчиками.

Ибн Джубайр, посетивший Акру в 1184 году, описывал её как многолюдный порт, куда прибывали корабли из разных стран. Путешественника возмущали некоторые стороны городской жизни, но он отмечал порядок в таможенных делах. В Тире ему довелось увидеть франкскую свадьбу: невесту в нарядном платье и короне сопровождали музыканты, а вдоль улиц собирались зрители разных вероисповеданий. Осуждая увиденное с позиций собственной религиозной традиции, Ибн Джубайр всё же подробно передал впечатления от праздника.

Разнообразие населения проявлялось прежде всего в речи. Французские наречия звучали при дворе и среди рыцарей, латынь использовали в церковных документах, греческий, арабский, армянский и сирийский оставались языками многочисленных местных общин. Переговоры, сделки и судебные разбирательства нередко требовали посредников. Не следует, однако, воображать всеобщего двуязычия: привычки отдельного купца, священника или крестьянина зависели от места жительства и круга общения. Встреча людей разных традиций не устраняла взаимного недоверия, но делала повседневное сотрудничество необходимым.

Большинство жителей Заморья были крестьянами, и большинство крестьян не были франками. Это были мусульмане и восточные христиане, жившие в деревнях, которые франки называли казалями. Каждой деревней управлял староста из местных, которого называли арабским словом раис. Он собирал подати и отвечал перед франкским сеньором.

Особое значение имели паломники. Они прибывали не только ради молитвы у Гроба Господня, но и как источник доходов для перевозчиков, хозяев постоялых дворов, торговцев и проводников. Дорога от Яффы к Иерусалиму была испытанием даже в мирные годы: путешественникам требовались вода, вьючные животные и охрана. Отдельные группы нуждались в помощи из-за болезни или нехватки средств. Забота о странниках была одновременно религиозной обязанностью и практической задачей государства, существование которого во многом зависело от постоянной связи с Западом. Именно в этой среде получили особое значение госпитали и организации, сопровождавшие паломников.

Франкские сеньоры в большинстве своём сохранили ту систему налогов, которая существовала до них. Размеры натуральных и денежных повинностей различались по владениям; крестьяне отдавали часть урожая, вносили установленные платежи и выполняли определённые работы. Сеньор, как правило, жил в городе или замке и в дела деревни вмешивался мало. Для крестьянина приход франков означал прежде всего смену хозяина, которому шли подати.

Повседневная жизнь деревни зависела прежде всего от воды. На прибрежной равнине земледельцы выращивали зерновые, виноград и оливки; в более засушливых районах значение приобретали колодцы, цистерны и сезонные источники. Правитель мог распоряжаться доходами с участка, но не мог приказом заменить многолетние навыки местных жителей. Поэтому смена власти далеко не всегда означала смену способов обработки земли. Новые владельцы

были заинтересованы в том, чтобы поля оставались засеянными, а виноградники и масличные деревья приносили урожай.

Колодцы и цистерны нуждались в очистке и ремонте, а доступ к воде приходилось согласовывать между соседями. Поскольку основные дожди выпадали зимой, запасы рассчитывали на продолжительные сухие месяцы. Надёжность водоснабжения нередко определяла, сможет ли поселение пережить засуху.

Одним источником пользовались разные хозяйства: вода требовалась мельницам, огородам и скоту. В засушливые годы это порождало споры, а исправный водопровод мог оказаться для землевладельца ценнее новой башни. Однако сохранившиеся документы не позволяют восстановить все местные соглашения о распределении воды.

Сельские общины сохраняли привычный уклад и после завоевания. Семьи, жившие здесь поколениями, знали расположение пастбищ, особенности полей и сроки ремонта водосборных сооружений. Эти сведения редко попадали в хроники, но без них невозможно понять, как продолжалось земледелие при смене власти.

Земельные отношения в королевстве были сложнее прямой зависимости крестьянина от одного сеньора. Наряду с владениями знати существовали королевские земли и церковные имения. Права на сбор платежей, пользование мельницей, выпас скота и долю урожая могли принадлежать разным лицам. Дарственные грамоты иногда перечисляют не только деревни и сады, но и источники, мельницы и доходы с них.

Дарственные грамоты подробно описывали передаваемое имущество, но почти ничего не говорили о том, как жители деревни встречали нового владельца. Их положение приходится восстанавливать по перечням повинностей, судебным спорам и рассказам путешественников. Даже одинаковые термины в актах разных областей не всегда означали одинаковые обязанности.

Различия между районами были существенными. Окрестности Иерусалима не походили на плодородные земли Галилеи, а горные селения Ливана жили иначе, чем деревни прибрежной равнины. В одних местах важнейшим богатством становились сады и виноградники, в других — пашни, пастбища и стада. От этого зависели и формы платежей. Денежный оброк был удобен там, где существовал устойчивый рынок; натуральные поставки сохраняли значение там, где урожай легче было доставить владельцу, чем продать за монету.

Сельское хозяйство связывало разные общины теснее, чем можно предположить по рассказам о религиозных спорах. На рынках встречались крестьяне, перевозчики, ремесленники и купцы, говорившие на разных языках. Хозяину виноградника требовались работники во время сбора урожая; владельцу мельницы — люди, которые привезут зерно; городскому пекарю — регулярные поставки муки. Такие отношения не устраняли неравенства и конфликтов, но создавали повседневную зависимость жителей друг от друга.

Королевские грамоты сообщают о пожалованиях, церковные архивы — о монастырских правах, купеческие соглашения — об обязательствах торговцев. О жизни земледельцев и ремесленников они рассказывают гораздо меньше. Дополнить письменные свидетельства помогают остатки поселений, террас, цистерн, мельниц и укреплений. Но по облику постройки не всегда можно установить веру и происхождение её обитателей: строительные приёмы переходили от одной общины к другой.

Монастырям жертвовали земли ради поминовения умерших, в благодарность за помощь или ради спасения души. Доходы от этих владений шли на богослужение, содержание братии и помощь нуждающимся. Вместе с землёй монастырь получал хозяйственные заботы: учёт поступлений, управление имением и споры с соседними сеньорами. Поэтому в монастырских архивах сохранились сведения, которых нет в хрониках.

Война разоряла деревни и без осады городов: войска вытаптывали посевы, угоняли скот, забирали запасы. После набегов крестьяне восстанавливали хозяйство и одновременно выпла-

чивали повинности. Особенно тяжёлыми были последствия разорения в неурожайные годы. Хронисты описывали сражения, но почти не сообщали, сколько времени требовалось селениям для восстановления.

Доходы латинских государств складывались не только из портовых пошлин и морской торговли. Гарнизоны, города и паломников кормила прежде всего сельская округа. Мосты, дороги, источники и мельницы имели для снабжения не меньшее значение, чем укрепления. Поэтому деревни на путях сообщения интересовали и сеньоров, и королевскую власть.

Документы XIII века не всегда отражают положение предыдущего столетия. За это время менялись границы и землевладельцы, безопасность дорог и отношения между общинами. Грамота, составленная после крупных войн, свидетельствует уже об иных условиях, чем акты первых десятилетий королевства. Хозяйство Заморья менялось вместе с ними.

Самое интересное свидетельство об этом оставил Ибн Джубайр. Проезжая из Дамаска в Акру через Галилею, он видел деревни, где жили мусульмане под властью франков, и записал наблюдение, которое его самого огорчило. Мусульмане здесь пишет он, живут в достатке и безопасности; франки берут с них половину урожая и небольшую подать, а в остальном не притесняют, оставляют им дома и имущество. Сердца многих мусульман, продолжает он, склоняются к франкам, потому что их единоверцы в мусульманских землях страдают от несправедливости своих правителей. И это одно из величайших бедствий для мусульман: они жалуются на своих же и хвалят врагов. Русский читатель может прочесть книгу Ибн Джубайра в переводе Ларисы Семёновой (1984).

Для крестьян имели значение размер податей, порядок их сбора и возможность жаловаться на злоупотребления. Франкские правители нередко оставляли местных сборщиков и прежние способы учёта, чтобы сохранить доходы. Повинности зависели от веры, места жительства и личного положения. Долгая жизнь деревень под франкской властью не исключала насилия, но повседневные отношения не ограничивались войной.

Свидетельство Ибн Джубайра нельзя распространять на всё королевство. Он наблюдал одну область в мирное время и, возможно, стремился пристыдить мусульманских правителей. В другие годы деревни страдали от набегов, грабежей и угона жителей в плен. Однако и представление о непрерывном угнетении крестьян франками не согласуется со всеми сохранившимися свидетельствами.

Франки пришли освобождать христиан Востока, но очень быстро обнаружили, что эти христиане не похожи на них. Они говорили по-арабски, по-гречески, по-армянски, по-сирийски, служили по своим обрядам и не признавали власти папы. Многие из них были ближе к мусульманским соседям, чем к латинянам.

В Иерусалиме и Палестине большинство христиан были мелькитами, то есть православными, служившими по греческому обряду, но говорившими по-арабски. На севере, в Антиохии и Эдессе, жили армяне и яковиты, то есть сирийские христиане, отвергавшие решения Халкидонского собора. В горах Ливана жили мароните, со своей церковью и своими патриархами.

Латиняне поставили во главе церкви своих епископов. Греческих патриархов и епископов заменили латинскими, храм Гроба Господня перешёл к латинским каноникам. Но в остальном восточные христиане сохранили свои церкви, монастыри и обряды. В первые годы латиняне вытеснили было из храма Гроба Господня православное духовенство, но, по преданию, когда в Пасху 1101 года Благодатный огонь долго не сходил, король вернул православным их места, и огонь сошёл. Этот рассказ сохранился в нескольких источниках и показывает, что франкам приходилось считаться с местными святынями и обычаями.

Отношения с армянами и яковитами были иногда даже теснее, чем с греками. Яковитский патриарх Михаил Сириец, знакомый нам по первому тому, пишет о франках сдержанно-доброжелательно: они, по его словам, не преследовали никого за веру и считали христианином всякого, кто поклоняется кресту. Армянские князья Киликии роднились с франкскими

баронами, а около 1180 года, по свидетельству Вильгельма Тирского, мароните признали власть Римской церкви. Кристофер Маккевитт называет эти отношения «грубой терпимостью». Франки не пытались обратить восточных христиан в своё исповедание и не вмешивались в их внутренние дела. Но и не допускали их к власти: высшие должности в государстве и церкви оставались за латинянами.

Восточные христианские общины преследовали разные цели. Армянские князья заключали брачные союзы с франкской знатью, а духовенство других церквей заботилось о сохранении своих обрядов и учреждений. Притязания латинских епископов на старые кафедры порождали споры; торговля и соседство, напротив, заставляли искать соглашения. Положение различалось по областям и менялось со временем.

Мусульман в городах после завоевания почти не осталось: одних перебили, другие бежали. Но там, где города сдавались по договору, как Тир в 1124 году, часть мусульман могла остаться. В деревнях же мусульманские крестьяне составляли значительную часть населения, особенно в Галилее, Самарии и вокруг Наблуса.

Рынки приморских городов были связаны с мусульманскими владениями во внутренних областях. Через посредников продолжали поступать зерно, ткани, масло, металлы и ремесленные изделия. Во время перемирий торговля оживлялась, а походы делали дороги опасными. Правителям приходилось ограничивать снабжение противника, не лишая собственные города необходимых товаров.

Евреев в Заморье было немного. Знаменитый путешественник Вениамин Тудельский, испанский еврей, объехавший Средиземноморье около 1170 года, нашёл в Иерусалиме всего около двухсот еврейских семей, занимавшихся окраской тканей у Давидовой башни, в Акре около двухсот человек, в Тире около пятисот. Франки запретили нехристианам жить в Иерусалиме, и, видимо, эти красильщики были исключением, связанным с их ремеслом. Вениамин описывает святыни и общины без особой горечи, и его книга, переведённая на многие языки, в том числе на русский, остаётся важным свидетельством о жизни евреев под властью латинян.

Самые живые рассказы о мусульманах среди франков оставил Усама ибн Мункыз. Он не раз бывал в Иерусалиме как посол Дамаска и дружил с некоторыми франкскими рыцарями. Однажды, рассказывает он, он пришёл молиться в мечеть аль-Акса, где тогда жили тамплиеры, его друзья, и они отвели ему маленькую часовню рядом. Он встал на молитву, повернувшись к Мекке, но тут какой-то франк подскочил к нему, схватил и повернул лицом на восток, крича: так молятся! Тамплиеры оттащили его и извинились: это чужестранец, прибывший на днях из франкских земель, он никогда не видел, чтобы кто-нибудь молился иначе. Усама замечает, что франки, давно живущие на Востоке, лучше новоприбывших: они привыкли к мусульманам и ведут себя учтивее.

Тот же Усама рассказывает о франкском рыцаре в Антиохии, который пригласил его в гости и угостил прекрасным обедом. Рыцарь сказал, что у него повар египтянин и что он не ест свинины и не держит её в доме. Усама, однако, ел с осторожностью. В других рассказах он смеётся над франкским судом поединком, удивляется, как свободно франкские женщины разговаривают с чужими мужчинами, и с ужасом описывает франкских лекарей, о чём говорилось в томе I. Его книга полна противоречий: франки у него то храбрые и честные противники, то дикие звери, «у которых есть только доблесть и война». Но именно эта противоречивость делает её правдивой.

Как жилось мусульманским крестьянам под властью франков, мы обычно знаем лишь со слов самих франков или путешественников вроде Ибн Джубайра, о котором говорилось выше. Но есть и рассказ изнутри. В XIII веке дамасский учёный Дия ад-Дин аль-Макдиси записал историю своей семьи, род Бану Кудама из деревни Джаммаиль близ Наблуса. Глава рода, проповедник и знаток права Ахмад ибн Кудама, жил в деревне, принадлежавшей франкскому сеньору, и, по семейному преданию, был недоволен его поборами, а ещё больше тем, что

вокруг него собирались крестьяне слушать проповеди. В 1156 году Ахмад, опасаясь расправы, тайно бежал в Дамаск, а вслед за ним ушли десятки семей из соседних деревень. В Дамаске беженцы поселились на склоне горы Касьюн и основали там новый квартал, Салихийю, который существует и сегодня.

Один из сыновей Ахмада, Муваффак ад-Дин ибн Кудама, вырос в Дамаске и стал одним из самых известных мусульманских правоведов своего века. В 1187 году он вместе с братом участвовал в походе Саладина и был при Хаттине. Израильский историк Бенджамин Кедар, подробно разобравший эту историю, считает, что она показывает и обычную жизнь мусульман под франкской властью, где крестьяне платили подати и жили в своих деревнях, и её пределы: проповедь джихада в деревне франкского сеньора была уже опасна. Бегство Бану Кудама было не массовым исходом, но оно говорит о том, что некоторые мусульмане Палестины предпочитали власти франков изгнание.

Жилище устраивали сообразно достатку семьи и местным обычаям. Каменные стены защищали от летнего зноя, но зимой в комнатах нередко было сыро. Во внутреннем дворе готовили пищу и занимались домашней работой. В тесных городских кварталах лавки и мастерские соседствовали с жилыми комнатами. Об этой повседневной жизни археологические находки рассказывают порой больше, чем хроники.

Пища зависела от урожая, достатка и религиозных предписаний. Обычно ели хлеб, бобовые, овощи, масло и сезонные плоды; мясо появлялось на столе реже. В приморских городах продавали рыбу, а купцы привозили продукты из других областей. Общие рынки не означали одинакового рациона у людей разных общин.

Для приготовления пищи, обжига керамики и кузнечного дела требовались дрова или древесный уголь. В безлесных районах топливо обходилось дорого, особенно если путь доставки был небезопасен. Поэтому мастерские старались устраивать там, где имелись вода, сырьё и доступ к рынку.

О болезнях и лечении жителей Заморья источники сообщают гораздо меньше, чем о королевских походах. Жара, теснота портовых кварталов, нехватка чистой воды и трудные дороги угрожали и горожанам, и путникам. Помощь больным оказывали лекари разных традиций, а также монастырские и благотворительные учреждения.

Ещё одна небольшая община, о которой обычно забывают, жила в самом сердце королевства. Самаритяне, потомки древних жителей Самарии, почитавшие священной гору Гаризим над Наблусом и признававшие из всей Библии только Пятикнижие, сохранились в Палестине с античных времён. Вениамин Тудельский около 1170 года насчитал в Наблусе, по его словам, около тысячи самаритян, а ещё небольшие общины в Кесарии и Аскалоне. Он описывает их обычаи с любопытством и некоторым отчуждением: для него, как и для большинства иудеев, самаритяне были чужими. Франки, кажется, мало отличали их от прочих местных жителей. Самаритянская хроника, составленная гораздо позже, в XIV веке, сохранила память о бедствиях этих лет: в 1137 году, когда дамасское войско совершило набег на Наблус, многие самаритяне были уведены в плен. Община пережила и франков, и мамлюков, и османов. Несколько сотен самаритян живут у горы Гаризим и сегодня, и каждый год совершают там пасхальное жертвоприношение, как в древности.

Франкское правосудие поражало восточных соседей больше, чем что-либо другое. Усама ибн Мункыз рассказывает о нём два случая, которые сам видел или о которых слышал от очевидцев. Оба связаны с Наблусом.

В первом случае франки обвинили двух мусульманских крестьян в том, что они навели разбойников на паломников. Одного из них, рассказывает Усама, подвергли испытанию водой. Посреди площади поставили большую бочку, наполнили водой, связали обвиняемому руки и ноги и бросили в воду. Если человек невиновен, говорили франки, вода примет его и он утонет, а если виновен, вода его вытолкнет. Несчастный изо всех сил старался уйти под воду,

но не смог, и его признали виновным и выкололи ему глаза. Усама рассказывает об этом с изумлением: такого способа искать истину мусульмане не знали.

Во втором случае двое франков, старый кузнец и молодой человек, по приговору суда должны были биться в судебном поединке. Наблюдавший за этим Усама описывает, как старик, сначала уступавший, вдруг сбил молодого и задушил его. Победителя признали правым. Усама добавляет, что сеньор Наблуса подарил кузнецу плащ, и замечает с горькой иронией: вот какое у франков правосудие и вот как они судят.

Испытание водой и судебный поединок применялись на Западе, когда свидетельских показаний не хватало. Церковные власти всё чаще возражали против таких процедур; в 1215 году Четвёртый Латеранский собор запретил духовенству участвовать в ордалиях. В XII веке они ещё сохранялись, и франки пользовались ими на Востоке. Усама ибн Мункыз, знакомый с исламским судопроизводством, воспринимал подобные испытания как жестокий обычай. Вместе с тем он отмечал случаи справедливого разбирательства у франков, когда знатные люди не вмешивались в решение рыцарского суда.

Война между франками и мусульманами никогда не прерывала торговлю. Караваны из Дамаска шли к морю через франкские земли, и франкские сеньоры брали с них пошлины. Ибн Джубайр, о котором уже говорилось, проехал этим путём в сентябре 1184 года, в разгар войны между Саладином и королевством. Он изумлён: христиане и мусульмане ведут войну, их войска сражаются, а купцы ходят туда и обратно, и никто их не трогает. Мусульмане пишет он, платят франкам пошлину в их землях, христиане платят мусульманам в их землях, и между ними полное согласие. Воины заняты войной, а народ живёт в мире.

На границе караван остановили у замка Торон, где франки собирали пошлину. Ибн Джубайр подробно описывает, как всё было устроено. В Акре караван провели в таможню, большое здание с двором, где сидели писцы-христиане, писавшие по-арабски чернилами чёрного дерева, как он с удовольствием отмечает, и записывали товары. Вели они себя вежливо, без грубости и без лишних поборов. Купцы, не желавшие платить пошлину сразу, могли оставить товары на складе. Ибн Джубайр вынужден признать, что франкская таможня работала честнее, чем многие мусульманские.

Эти пошлины были одним из главных источников доходов королевства. Дорога из Дамаска к морю приносила иерусалимским королям огромные деньги, и поэтому они так дорожили миром с Дамаском, о котором рассказывается в четвёртой и пятой главах. А мусульманским купцам франкские порты давали выход к средиземноморской торговле с итальянцами. Для обеих сторон торговля была важнее войны, и это во многом объясняет, почему война так часто прерывалась перемириями.

Одна из самых любопытных подробностей жизни Заморья связана с деньгами. Местная торговля веками велась на золотые динары Фатимидов, которые франки называли безантами, то есть «византийскими» монетами. Когда франкам понадобилась своя золотая монета, они не стали изобретать новую, а начали чеканить точные подражания египетским динарам. На этих монетах, которые нумизматы называют «сарацинскими безантами», стояли арабские надписи с именем фатимидского халифа и мусульманским исповеданием веры: нет бога, кроме Бога, и Мухаммад пророк Его.

В Заморье ходили монеты разных государств. Землевладелец получал часть дохода зерном или маслом, ремесленник — мелкой монетой, а купец, закупавший морской груз, предпочитал золото. Разные денежные системы усложняли расчёты и обеспечивали работой менял.

За хлеб и услуги носильщика расплачивались мелкой монетой. Корабельные грузы и земельные доходы оценивали в счётных единицах, причём указанная в записи сумма не обязательно передавалась наличными.

Франки чеканили такие монеты в Акре, Тире и Триполи больше ста лет. Их охотно брали купцы по всему Средиземноморью, потому что они выглядели как привычные динары. Мало

кто из франков вообще умел читать арабские надписи, и их, видимо, нисколько не смущало, что на королевской монете прославляется пророк ислама. Лишь в 1250 году, когда в Акру прибыл папский легат и узнал, что пишется на монетах, он с возмущением запретил этот обычай. Франки подчинились, но поступили очень практично: продолжали чеканить монеты с арабскими надписями того же вида, только теперь в них говорилось о Святой Троице и стояла дата от Рождества Христова.

Монетные находки дополняют письменные свидетельства, но не дают однозначных ответов. Клад могли спрятать перед нападением, а потерянная монета ещё не доказывает существования оживлённого рынка. Находки следует сопоставлять с расположением дорог, поселений и известными торговыми путями.

При обмене монет учитывали их происхождение, вес и пробу. За проверку менялы брали плату. В дальней торговле прибегали к поручителям и посредникам: деньги и товар нередко прибывали в разные сроки, а участники сделки находились в разных городах.

Арабские надписи на франкских монетах свидетельствуют прежде всего о потребностях торговли. Религиозные границы никуда не исчезали, но купцам и сборщикам пошлин требовались деньги, которые принимали и христиане, и мусульмане.

В повседневном обиходе франков постепенно закреплялись местные товары, монеты и способы расчёта. Торговые привычки менялись быстрее, чем религиозные убеждения.

За городскими стенами трудились мастера, без которых не обходились ни порт, ни крепость. Корабелам требовались доски, смола, канаты и железные крепления; каменщикам — известь и инструменты; кожевникам — вода и место для выделки шкур. В грамотах ремесленники редко названы поимённо. Об их занятиях свидетельствуют постройки, перечни повинностей, археологические находки и отдельные упоминания в документах.

Посуда и светильники из раскопок помогают представить городской быт. В одном доме встречались изделия местных гончаров и привозные вещи. Однако по происхождению сосуда нельзя определить язык или веру его владельца. Археология лучше показывает производство и обмен, чем состав семьи.

Работа ремесленника зависела от сырья и покупателей. Гончару нужны были глина, вода и топливо, красильщику — красители и ёмкости, каменотёсу — камень и возможность доставить его в город. Осада нарушала снабжение, а уход мастеров затруднял восстановление домов и хозяйственных построек даже после прекращения боёв. Поэтому ущерб от войны не исчерпывался разрушенными стенами и потерями гарнизона.

Не все городские мастерские работали на заморскую торговлю. Гончар продавал посуду соседям, пекарь снабжал хлебом квартал, сапожник чинил обувь путникам. Такие занятия обеспечивали повседневную жизнь и в те месяцы, когда в гавань не приходили крупные суда. За рассказами о богатых купцах легко упустить этот менее заметный, но необходимый труд.

Торговые споры осложнялись различиями языка, веры и судебных обычаев. Купцы искали свидетелей, переводчиков и посредников, которым доверяли обе стороны. Поскольку письменное соглашение заключали не всегда, многое зависело от репутации. Деловые связи порой сохранялись даже во время войны.

В Израиле, Иордании, Ливане и Сирии сохранились развалины множества крестоносных замков. Для франков, испытывавших постоянную нехватку воинов, крепость была опорой власти: небольшой гарнизон мог оборонять дорогу, взимать подати с окрестных деревень и укрывать жителей во время набега.

Первые франкские укрепления нередко представляли собой квадратную башню за стеной; порой их возводили на месте византийских или арабских построек. Во второй половине XII века появились крепости с несколькими линиями стен, круглыми башнями и рвами, вырубленными в скале. Среди наиболее известных — Крак-де-Шевалье в Сирии, принадлежавший госпитальерам, Керак в Трансиордании и Бельвуар над Иорданской долиной.

В 1909 году британский студент Томас Эдвард Лоуренс, будущий Лоуренс Аравийский, пешком обследовал замки Сирии и Палестины. В своей работе он отстаивал западное происхождение франкского крепостного строительства. Позднее историки, в том числе Хью Кеннеди в книге «Замки крестоносцев» (1994), убедительно показали взаимное влияние западных, византийских и арабских строительных приёмов.

Возведение крепостей и содержание гарнизонов требовали больших средств. С середины XII века бароны всё чаще передавали замки тамплиерам и госпитальерам, способным поддерживать постоянные гарнизоны. К концу столетия военные ордена контролировали многие важнейшие укрепления Заморья.

Строительство храмов занимало особое место в жизни латинского королевства. За восемьдесят восемь лет франкского владычества в Иерусалиме были возведены или перестроены сотни церквей; их многотомный каталог составил британский исследователь Денис Прингл. Крупнейшим сооружением стал храм Гроба Господня: латиняне объединили его святыни под одной крышей и освятили храм в 1149 году. Романские черты здания различимы и после позднейших перестроек.

Прежде чем начать кладку, строителям предстояло получить участок, собрать средства, нанять мастеров и наладить подвоз извести, дерева и камня. Строительный лес иногда доставляли издалека. Письменных сведений о подрядчиках немного, зато в самих зданиях видны приёмы как западных зодчих, так и местных каменотёсов.

Латиняне не всегда строили церкви заново. Они приспосабливали прежние святыни, перестраивали алтари, меняли порядок служб и распределяли помещения между общинами. Поэтому под «франкской церковью» может подразумеваться и новое здание, и древний храм с иным убранством и духовенством. Такие перемены затрагивали повседневную религиозную жизнь горожан — от календаря праздников до доступа к святыням.

Во главе латинской церкви стояли патриархи Иерусалима и Антиохии, под ними архиепископы Тира, Кесарии, Назарета, Петры, епископы и аббаты. Храм Гроба Господня обслуживали каноники, жившие по уставу святого Августина. Появились латинские монастыри на горе Сион, на горе Фавор, в Вифании. Многие из них получали богатые земли не только на Востоке, но и в Европе, где у них были свои приорства.

В мастерских Иерусалима и Акры работали художники, соединявшие западные, византийские и восточные традиции. Американский искусствовед Ярослав Фольда в книге «Искусство крестоносцев на Святой земле» (1995) показывает, что именно здесь сложился особый стиль, который называют искусством крестоносцев. Его лучшим памятником стала Псалтирь королевы Мелисенды, о которой будет рассказано в пятой главе.

Убранство храмов создавали мастера разных школ, а выбор сюжетов во многом определяли заказчики. Поэтому отдельный художественный приём не позволяет надёжно установить происхождение мастера.

Большая стройка требовала подвод, носильщиков, плотников, извести и воды. Доставка материалов затрудняла движение по узким улицам; ход работ зависел от погоды и наличия рабочих. После освящения храма оставались постоянные расходы на духовенство, кровлю и светильники. Грамоты чаще называют богатых дарителей, чем людей, трудившихся на строительстве.

Церковное убранство создавалось в разных мастерских. Резчики по камню, мозаичисты, миниатюристы и мастера металлической утвари могли происходить из западных или местных христианских общин; на их работу влияли и связи с Византией. Поэтому изделия для латинских заказчиков нередко отличались от произведений, изготовленных во Франции и Италии.

В Антиохии в 1127 году клирик Стефан Пизанский перевёл на латынь медицинский трактат персидского врача аль-Маджуси, назвав его «Королевской книгой». Вильгельм Тирский владел арабским настолько, чтобы обращаться к историческим сочинениям; написанная им

история восточных правителей не сохранилась. Некоторые бароны, в частности Рено Сидонский, говорили по-арабски и беседовали с мусульманскими учёными. Подобные встречи были редки, но важны для понимания жизни Заморья.

Медицинские трактаты переводили, переписывали и сокращали для новых читателей. При этом арабские термины в латинском сочинении не всегда означали, что его составитель знал арабский: он мог пользоваться готовым переводом.

Новая земля удивляла пришельцев не только людьми, но и природой. Альберт Ахенский рассказывает, как крестоносцы ещё в 1099 году под Триполи и Аркой впервые увидели сахарный тростник, который местные называли «цуккара», и, изголодавшись, жевали его стебли, высасывая сладкий сок. Фульхерий Шартрский, проживший в Палестине больше четверти века, посвятил природе целые страницы своей хроники. Он перечисляет зверей и змей Востока, о многих из которых западные читатели знали лишь по книгам древних авторов, и с удивлением сообщает, что в одной из речек у Кесарии водятся крокодилы, нападающие на животных. Речку и сегодня называют Крокодиловой, а последних крокодилов там, по рассказам, видели в начале XX века. Фульхерий объясняет читателям на Западе, как здесь пашут, когда сеют и собирают урожай, когда идут дожди. Эти страницы мало что говорят о войне, но многое о том, как первые поколения франков осваивали чужую землю и постепенно привыкали считать её своей.

Франки, оставшиеся на Востоке, многое переняли у соседей. Они носили лёгкие шёлковые и хлопковые одежды, надевали поверх кольчуги длинные накидки от солнца, покрывали головы платками, как местные жители. Они пристрастились к баням, которые на Западе после Античности почти исчезли, и ели местную пищу с пряностями, рисом и сахаром. Знатные дамы носили восточные украшения и ткани. В домах появлялись ковры, мраморные фонтаны, внутренние дворики.

Приезжавшие с Запада нередко смотрели на местных франков с подозрением. Привычка к восточному укладу казалась им признаком изнеженности и ослабления веры. В XIII веке потомков франкских поселенцев, родившихся на Востоке, называли пуленами; слово могло звучать пренебрежительно. Некоторые хронисты упрекали их в трусости, корыстолюбии и готовности договариваться с мусульманскими правителями.

Франки, родившиеся в Заморье, лучше знали местные обычаи и чаще считали перемирие разумным выходом. Новоприбывшие крестоносцы порой принимали такую осторожность за слабость. Различия в опыте становились причиной споров о том, как вести войну и договариваться с соседями.

Ни один рассказ о франках у Усамы ибн Мункыза не цитируют так часто, как рассказ о врачах. Франкский владетель соседней крепости пишет Усама, попросил его дядю прислать ему врача. Тот отправил к нему врача-христианина по имени Сабит. Через десять дней Сабит вернулся, и его спросили, как он так быстро вылечил больных. Сабит ответил, что вылечить не успел.

К нему привели рыцаря, у которого на ноге образовался нарыв, и женщину, страдавшую сухоткой. Рыцарю Сабит сделал припарку, и нарыв начал вскрываться и заживать. Женщине он назначил лёгкую пищу. Тут явился франкский врач и объявил, что этот человек ничего не смыслит в лечении. Рыцаря он спросил, что тот предпочитает: жить с одной ногой или умереть с двумя. Рыцарь выбрал жизнь. Тогда лекарь велел принести топор и позвал сильного воина. Со второго удара пишет Усама, мозг брызнул из кости, и больной тут же умер. Женщине франкский врач поставил другой диагноз: в её голове сидит дьявол. Он обрил ей голову, сделал крестообразный надрез и натёр его солью, и женщина тоже умерла. «Тогда я спросил их, нужен ли я им ещё, и они сказали, что нет, и я вернулся, узнав об их врачевании то, чего прежде не знал».

Этот рассказ часто приводят как свидетельство жестокости франкской медицины, однако Усама писал для мусульманской аудитории и охотно включал в книгу занимательные истории. В той же главе он упоминает два удачных случая лечения франкскими средствами: один лекарь помог мальчику, страдавшему золотухой, другой подсказал средство от загнивающей раны. Оба случая Усама оценил положительно.

Да и сами франки вовсе не пренебрегали восточной медициной. Короли и бароны охотно держали врачей из местных христиан, евреев и мусульман. Вильгельм Тирский даже сетует, что знатные франки доверяют только восточным лекарям, презирая латинских. Госпиталь Святого Иоанна в Иерусалиме, по уставу 1182 года, должен был держать четырёх врачей и четырёх хирургов, а больных кормить белым хлебом, мясом и фруктами, и устройство его, судя по всему, многое взяло у больниц исламского мира. Пирс Митчелл, о книге которого шла речь в томе I, собрал все свидетельства о лечении ран и болезней на Латинском Востоке и пришёл к выводу, что разрыв между франкской и восточной медициной был гораздо меньше, чем подсказывает рассказ Усамы. Хорошие и плохие врачи встречались по обе стороны границы.

Фульхерий Шартрский, перечисляя чудеса новой жизни на Востоке, с удивлением замечает, что в Заморье люди пользуются попеременно разными языками, а кто прежде был чужим, стал здесь своим. Действительно, редко где в Средние века на небольшом пространстве звучало столько наречий. Франки говорили по-старофранцузски, причём в разных его диалектах; итальянские купцы на своих наречиях; немцы, фламандцы, норвежцы приходили с паломническими флотами. Местные христиане говорили по-арабски, по-сирийски, по-армянски и по-гречески, мусульмане и евреи по-арабски, а в церкви латынь соседствовала с греческим, сирийским и армянским богослужением.

Языком власти и знати стал французский. На нём писали законы и судебники в XIII веке, на нём, а не на латыни, позже вели продолжения Вильгельма Тирского. Но в повседневных делах без арабского было не обойтись. Сеньор, владевший деревнями, сносился с крестьянами через старосту-раиса и через переводчика, которого называли драгоманом. Само это слово пришло в европейские языки из арабского «тарджуман» через греческий и итальянский и прожило до XIX века, когда драгоманами звались переводчики европейских посольств в Стамбуле.

Многие знатные франки, родившиеся на Востоке, знали арабский. О Рено Сидонском мусульманские авторы пишут, что он говорил по-арабски, интересовался историей ислама и держал при себе учёного, читавшего ему книги. Онфруа IV Торонский, с которым мы ещё встретимся в восьмой главе, был переводчиком на переговорах Ричарда Львиное Сердце с аль-Адилем. Вильгельм Тирский, как уже рассказывалось выше, читал арабские книги. Пизанец Стефан Антиохийский перевёл медицинский свод аль-Маджуси. Но всё же переводчиков с арабского на латынь на Востоке было гораздо меньше, чем в Испании или на Сицилии, и Заморье так и не стало крупным центром учёных переводов.

Зато язык торговли и войны обогащался быстро. Через итальянских купцов, торговавших в Акре, Тире и Александрии, в европейские языки вошли арабские слова, которыми мы пользуемся до сих пор. Таможня по-итальянски стала доганой, от арабского «диван», канцелярия; от него же французское douane. Склад, «махзан», превратился в итальянский магазин, «дар ас-синаа», мастерская, стала арсеналом, а титул «амир», эмир, в сочетании «амир альбахр», повелитель моря, дал, по наиболее распространённому объяснению, слово «адмирал». Не все эти слова пришли именно через Заморье, многие проникли через Сицилию и Испанию, но торговля крестоносной эпохи сделала их общим достоянием Средиземноморья.

Местные названия франки тоже не стирали. Рядом с франкскими именами крепостей жили арабские: Монреаль местные звали Шаубак, Крак в Заиорданье Керак, Бельвуар Каукаб аль-Хава. Через сто лет после ухода франков почти все франкские названия исчезли, а арабские остались. Язык земли оказался прочнее языка её завоевателей.

О детях незнатных семей хроники сообщают редко. Сыновья и дочери ремесленников, торговцев и земледельцев с ранних лет помогали взрослым; об их воспитании сохранилось гораздо меньше сведений, чем о наследниках сеньорий.

Дети западных переселенцев могли слышать дома французскую речь, на рынке — арабскую, а в храме — латынь или язык восточных христиан. Знание нескольких языков облегчало общение, но не устраняло различий в вере и общественном положении.

Знатные семьи хранили родословные, подтверждавшие права на землю. Купцы вели записи о долгах и сделках; крестьянам были важны границы полей и доступ к воде. Письменные источники чаще рассказывают о собственности знати, поэтому о других жителях известно значительно меньше.

Хронисты редко писали о женщинах латинского Востока. Однако гибель мужчин на войне, болезни и плен нередко приводили к тому, что сеньории наследовали вдовы и дочери. Вместе с землёй к ним переходили и политические обязанности.

Брак наследницы сеньории затрагивал интересы короля, баронов и её родственников: новый супруг должен был защищать владение и исполнять военную службу. Повторные браки вдов связывали между собой влиятельные семьи Заморья.

Многие наследницы не довольствовались ролью жены. Они сами управляли землями в отсутствие мужей, вели переговоры, защищали замки. Иногда они правили и целыми государствами. Иерусалимской королевой-правительницей стала Мелисенда, дочь Балдуина II, а в княжестве Антиохийском дважды правили вдовствующие княгини. Британская исследовательница Наташа Ходжсон, чья книга уже упоминалась в томе I, показала, что для латинских хронистов эти женщины были загадкой: они то восхищались их мудростью, то обвиняли в честолюбии и коварстве.

В городах женщины занимались торговлей и ремеслом, держали лавки, работали прачками, прислугой, кормилицами. Многие из них были местными христианками, вышедшими замуж за франков, как и писал Фульхерий. Их дети росли двуязычными и знали обычаи обеих сторон. Именно эти семьи и были тем «новым народом», о котором мечтал Фульхерий и над которым позже будут смеяться пришельцы с Запада.

Христианские, мусульманские и еврейские общины придерживались разных погребальных обычаев. Каменные надгробия богатых семей уцелели лучше простых захоронений, и потому археологические находки дают неравномерную картину жизни населения.

Религиозные общины жили по разным календарям праздников и постов. В дни больших христианских торжеств к святыням прибывали паломники. Различия в обычаях сказывались и на работе рынков и мастерских.

Паломники, отправлявшиеся в Святую землю, могли заранее представить себе Иерусалим по картам. От XII века дошло несколько планов города, нарисованных, вероятно, по образцам, сделанным в самом Иерусалиме. Они круглые: город изображён в виде круга, разделённого двумя крестообразно пересекающимися улицами на четыре части. Внутри подписаны храм Гроба Господня, «Храм Господень» и «Храм Соломона», то есть Купол Скалы и мечеть аль-Акса, Давидова башня, ворота. Такой план, конечно, не похож на настоящий город, но в нём есть своя правда: и сегодня две главные улицы Старого города действительно пересекаются почти под прямым углом. А круглая форма отражала представление о Иерусалиме как о центре мира. На средневековых картах мира, таких как большая Херефордская карта конца XIII века, Иерусалим помещали в самую середину, как пуп земли, о котором говорится у пророка Иезекииля. Путь в Иерусалим был для паломника путём к центру вселенной.

Средства, погода и безопасность дорог определяли путь паломника. Состоятельные путешественники брали рекомендательные письма; бедные искали спутников ещё в порту. Известия о набегах порой заставляли менять маршрут.

Приход паломнических судов увеличивал спрос на хлеб, воду и ночлег. Храмы получали пожертвования, торговцы продавали свечи и памятные вещи, а власти организовывали охрану дорог. Эта повседневная работа редко попадала в военные хроники.

Средневековые планы Иерусалима знакомили европейцев со святыми местами. Их авторы не соблюдали масштаб: изображение важного храма могло быть крупнее целого квартала. Такие планы предназначались прежде всего для паломников.

Во время поездки паломник зависел от капитана судна, проводника, хозяина постоялого двора и продавцов припасов. Дорога к святыням требовала денег и была сопряжена с опасностями, о которых путешественники нередко рассказывали.

Высадившись в Яффе, паломники искали спутников, покупали воду, нанимали вьючных животных и узнавали о положении на дороге. Совместное путешествие было безопаснее, хотя болезнь или нехватка денег у одного путника могли задержать всю группу.

Паломничество оставалось важной частью жизни Заморья. Весной и осенью в Яффу и Акру приходили корабли с людьми, стремившимися посетить Гроб Господень. Одни проводили здесь несколько недель, другие задерживались на годы или поселялись навсегда.

Из портов паломники направлялись в Иерусалим. Там они посещали храм Гроба Господня, Голгофу, Елеонскую гору, гробницу Богородицы и Сион. Затем отправлялись в Вифлеем, к базилике Рождества, и к Иордану, где погружались в воду и наполняли ею фляги. Некоторые добирались до Назарета, Тивериадского озера и горы Фавор. На память увозили пальмовые ветви, небольшие свинцовые сосуды с маслом из лампад, камешки и кусочки дерева.

Паломники приносили королевству деньги и людей. Они платили за перевоз, ночлег, еду, покупали реликвии, жертвовали церквям. Многие из них брали в руки оружие и участвовали в походах, как те, кто спас Балдуина I после второй битвы при Рамле. Без этих людей, которые приходили каждый год, Заморье не продержалось бы и десятилетия.

Но паломникам нужна была защита и помощь. Дороги были опасны, болезни косили приезжих, и многие умирали, не дойдя до цели или вскоре после неё. Ответом на эти нужды стали две организации, которые очень скоро превратились в самые могущественные силы Заморья. О них рассказывает следующая глава.

Глава 3. Монахи с мечом: госпитальеры и тамплиеры

В первые десятилетия XII века на латинском Востоке возникли братства, соединившие монашеские обеты с военной службой. Их члены обещали соблюдать бедность, целомудрие и послушание, жили по уставу и участвовали в сражениях. Позднее за ними закрепилось название рыцарей-монахов.

Для современников соединение монашеских обетов с военной службой было необычным. Церковная традиция требовала от духовенства воздерживаться от оружия, а убийство даже на войне оставалось предметом нравственного обсуждения. Однако проповедь крестовых походов постепенно создала иной образ воина: защитника святынь и паломников, исполняющего религиозный долг. Военные братства превратили это служение из временного обязательства в постоянный уклад жизни.

Наиболее влиятельными духовно-рыцарскими орденами стали госпитальеры и тамплиеры. В XII веке они приобрели владения в Европе и на Востоке, создали собственные органы управления и вооружённые отряды. Их возникновение было связано с потребностями паломников и защитой франкских владений.

Лучшее введение в историю орденов дают британские историки Малкольм Барбер в книге «Новое рыцарство: история ордена Храма» (1994) и Хелен Николсон в книге «Тамплиеры: новая история» (2001), а для госпитальеров Джонатан Райли-Смит, посвятивший им две большие книги, в 1967 и 2012 годах. Французский историк Ален Демурже написал книгу «Жизнь и смерть ордена тамплиеров» (1985), которая есть и в русском переводе.

Госпитальеры старше тамплиеров, и путь к оружию они прошли постепенно. Их начало восходит к странноприимному дому, который купцы из итальянского Амальфи основали в Иерусалиме ещё в середине XI века, рядом с храмом Гроба Господня. Дом был посвящён святому Иоанну. Сначала его считали Иоанном Милостивым, александрийским патриархом VII века, известным своей благотворительностью, а позже Иоанном Крестителем, и именно последний стал покровителем ордена.

Когда крестоносцы взяли Иерусалим, во главе странноприимного дома стоял человек по имени Жерар, о котором известно очень мало. Позднейшие легенды рассказывали, будто во время осады он бросал крестоносцам со стен хлеб, а когда его поймали, хлеб в его руках превратился в камни. Скорее всего, это выдумка. Но Жерар действительно сумел использовать новые обстоятельства. Готфрид и Балдуин I, а затем и многие паломники дарили дому земли и доходы, и он быстро разбогател. В 1113 году папа Пасхалий II особой буллой взял его под защиту престола святого Петра, освободил от податей и подчинения местным епископам и позволил братьям самим избирать главу. С этого дня и принято вести историю ордена.

Главной заботой братьев оставались больные и паломники. Дом принимал всех, кто нуждался в помощи, без различия, откуда человек родом и, как подчёркивают некоторые свидетельства, даже какой он веры. Немецкий паломник Иоанн Вюрцбургский, побывавший в Иерусалиме в 1160-х годах пишет, что в госпитале лежало около двух тысяч больных, и что за одну ночь иногда умирало по пятьдесят человек, а на их место приходили новые. Число, возможно, преувеличено, но и в половину того госпиталь был огромным учреждением, крупнейшим во всём христианском мире.

В сезон паломничества нагрузка на госпиталь возрастала. Людям, прибывшим морем, требовались отдых, припасы и проводники; многие заболевали ещё в дороге. Приют помогал тем, кто не имел в Заморье ни родных, ни покровителей, и позволял продолжить путь к Иерусалиму.

Средневековый госпиталь не был больницей в современном смысле. Здесь находили приют больные, бедняки и путники, изнурённые дорогой. Им требовались пища, ночлег и уход.

Служители готовили еду, носили воду, убирали помещения и меняли бельё. Их труд почти не отражён в сохранившихся документах.

Приём больных требовал постоянных расходов. Паломники страдали от лихорадок, кишечных болезней, ран и истощения. Госпиталю нужны были кровати, чистая вода, продовольствие и люди для ухода за лежачими. Пожертвования позволяли содержать это большое хозяйство, особенно в годы неурожаев и перебоев со снабжением.

Булла Пасхалия II Pie postulatio voluntatis 1113 года закрепила папское покровительство госпиталю и право принимать пожертвования. Она ещё не учреждала военный орден: главной задачей братства оставалась помощь паломникам. Превращение приюта в организацию, владевшую крепостями и вооружёнными отрядами, заняло несколько десятилетий.

Устав ордена, составленный при втором магистре Раймунде дю Пюи, правившем примерно с 1120 по 1160 год, предписывал братьям видеть в больных своих господ. Больных называли «господами нашими», а братья должны были служить им как слуги. Позднейшие статуты 1182 года подробно описывают, как это было устроено. Каждому больному полагалась отдельная кровать с одеялом, простынёй и плащом, чтобы ходить в уборную, ему давали белый хлеб, мясо и вино. В госпитале постоянно работали четыре врача и столько же хирургов, которые осматривали больных утром и вечером. Беременным и роженицам выделяли отдельные палаты, а брошенных младенцев отдавали кормилицам за счёт ордена.

Сопоставлять медицинские знания латинского Востока и мусульманских стран по единой шкале было бы неверно. Иерусалимский госпиталь, судя по всему, многое перенял у бимаристанов, больших мусульманских больниц Дамаска и Каира, с их разделением больных и постоянными врачами. Историк медицины Пирс Митчелл считает, что госпиталь Святого Иоанна стал образцом для многих больниц Европы.

Когда и почему госпитальеры взялись за оружие, точно не известно. В уставе Раймунда дю Пюи о войне не говорится ни слова. Но уже в 1136 году король Фульк передал ордену замок Бетгибелин, построенный для защиты от Аскалона, и братьям пришлось его оборонять. Видимо, сначала орден нанимал рыцарей для охраны паломников и своих владений, а затем и сами братья стали воинами.

В 1142 году граф Триполи передал госпитальерам крепость, которую местные жители называли Хисн аль-Акрад, а латиняне Крак, и которая в томе I встречалась нам под этим арабским именем. Госпитальеры перестроили её, и Крак-де-Шевалье стал самым знаменитым замком Заморья. В XIII веке его гарнизон насчитывал, по некоторым сведениям, около двух тысяч человек.

К середине XII века госпитальеры были уже военной силой наравне с тамплиерами. Но в отличие от тамплиеров они никогда не забывали своего первого призвания. Госпиталь в Иерусалиме, а позже в Акре, на Кипре, на Родосе и на Мальте, оставался сердцем ордена, и рыцари служили в нём рядом с братьями-лекарями. Эта двойственность помогла ордену пережить все бури и дожить до наших дней. Мальтийский орден, наследник госпитальеров, существует и сегодня и занимается прежде всего медицинской и благотворительной помощью.

Потребность в защите паломников была вполне реальной. Альберт Ахенский сообщает о нападении на большую группу людей, направлявшихся к Иордану на Пасху 1119 года, и приводит значительные числа погибших и пленённых. Эти цифры следует воспринимать как свидетельство хрониста, а не как достоверный подсчёт. Нападения на дорогах показывали, насколько трудно королевской власти было обеспечить безопасность за пределами городов и крепостей.

Возникновение братства Гуго де Пейна обычно относят к 1119–1120 годам, хотя точная дата остаётся предметом обсуждения. По рассказу Вильгельма Тирского, первоначально рыцарей было девять; Михаил Сириец приводит другое число. Поздние свидетельства не позволяют уверенно установить состав первой общины. Несомненно главное: её участники связали монашеские обязательства с охраной паломнических путей.

Король Балдуин II отдал новому братству часть своего дворца, устроенного в мечети аль-Акса, которую крестоносцы считали Храмом Соломона. Отсюда братство получило своё имя: бедные воины Христовы и Храма Соломонова, или просто храмовники, по-французски тамплиеры. Первые годы они жили на подаяния, носили старую одежду, подаренную верующими, и, судя по их позднейшей печати, на которой изображены двое всадников на одном коне, хотели подчеркнуть свою бедность.

В 1127 году Гуго де Пейн с несколькими товарищами отправился на Запад. Помимо поручений Балдуина II, искавшего жениха для Мелисенды и воинов для похода на Дамаск, он добивался церковного признания братства, пожертвований и новых братьев.

Гуго де Пейн заручался поддержкой знати и духовенства. В отличие от участников отдельного крестового похода, вступавший в орден рыцарь связывал себя пожизненными обязательствами. Его родные могли жертвовать деньги и земли, не покидая дома.

В январе 1129 года в Труа состоялся церковный собор под председательством папского легата. Гуго де Пейн представил собравшимся братство, для которого был утверждён устав. В его подготовке, вероятно, участвовал Бернард Клервоский. Правила сочетали монашескую дисциплину с обязанностями вооружённых братьев; первоначальный текст позднее неоднократно дополнялся. Полный свод правил доступен, в частности, в английском переводе Джудит Аптон-Уорд (1992).

Поездка Гуго принесла ордену владения и пожертвования во Франции, Англии, Шотландии, Фландрии и Провансе. В братство вступали новые рыцари; другие обещали временную службу. В 1129 году Гуго вернулся на Восток с отрядом. Небольшое братство обзаводилось опорой в разных частях Европы.

Около 1130 года Бернард Клервоский по просьбе Гуго де Пейна написал трактат «Похвала новому рыцарству». В нём он обосновал особое призвание братьев, соединявших монашеские обеты с военной службой. Сочинение стало одним из наиболее известных ранних текстов в защиту ордена.

Бернард противопоставляет два рыцарства. Мирское рыцарство, по его словам, это не militia, воинство, а malitia, злоба. Мирские рыцари воюют из гордыни, гнева или жажды земной славы, наряжают коней в шелка, отращивают длинные волосы, как женщины, носят длинные одежды, путающиеся в ногах, раскрашивают щиты и сёдла и золотят шпоры. Убивая, они губят свою душу, а будучи убиты, гибнут навеки.

Новое рыцарство, рыцарство Храма, совсем иное. Его братья коротко стригут волосы, никогда не причёсываются, редко моются, ходят в пыли и загаре от доспехов и солнца. Они не играют в кости и шахматы, не ходят на охоту, не слушают жонглёров и сказителей. Они живут вместе, без жён и имущества, в послушании и молчании. В бою они не бросаются вперёд безрассудно, но и не отступают, а когда приходит час, бьются, как львы.

Самое смелое у Бернарда рассуждение о смерти. Воин Христов пишет он, убивает спокойно и ещё спокойнее умирает. Умирая, он приобретает себе спасение, убивая, приобретает славу Христу. Убивая злодея, он совершает не человекоубийство, а, если можно так сказать, злоубийство. Бернард тут же оговаривается, что язычников не следовало бы убивать, если бы можно было иначе удержать их от нападения на верующих. Но раз нельзя, то лучше убивать их, чем позволить им угрожать христианам.

Бернард завершил развитие идеи, прослеженной в первом томе: от покаяния за убийство на войне до оправдания убийства врага веры. Такая мысль вызывала сомнения даже среди клириков и братьев ордена. Сохранившееся письмо свидетельствует, что некоторые из них искали подтверждения правоты своего служения. Трактат Бернарда давал им ответ.

Новый орден поначалу вызывал сомнения не только у посторонних, но и у самих братьев. Об этом говорит любопытный документ, сохранившийся в единственной рукописи: письмо,

адресованное «воинам Христовым в Иерусалиме» и подписанное «Гуго Грешник». Кто был его автором, историки спорят. Одни считают, что это сам первый магистр Гуго де Пейн, другие видят в нём известного парижского богослова Гуго Сен-Викторского. Письмо, судя по всему, написано в первые годы существования ордена. Автор утешает братьев, которых, как видно, смущали сомнения: угодно ли Богу их ремесло, не хуже ли оно молитвенной жизни монахов, не губят ли они душу, убивая врагов, пусть даже неверных? Он отвечает, что дьявол нарочно внушает им эти мысли, чтобы отвлечь от служения, что каждый должен оставаться в своём звании, и что тот, кто трудится руками, достоин не меньше того, кто молится. Письмо показывает, что идея монаха-воина не была очевидной даже для тех, кто выбрал этот путь. Именно на такие сомнения через несколько лет ответит Бернард Клервоский своей «Похвалой новому рыцарству».

В походе дисциплина помогала сохранить отряд. При нехватке воды следовало беречь коней и тщательно рассчитывать переходы; отставшие рисковали попасть в плен, а обоз — стать добычей противника. Поэтому братьям запрещалось покидать строй без приказа.

Оружие, кони и припасы находились под надзором должностных лиц ордена. Даже опытные рыцари подчинялись командирам. Для человека, привыкшего самостоятельно распоряжаться имением и дружиной, это было серьёзным ограничением.

Устав и позднейшие статуты рисуют жизнь тамплиера очень подробно. В ордене было несколько разрядов братьев. Рыцари происходили из рыцарских семей и носили белые плащи. С 1147 года, по преданию, с разрешения папы Евгения III, на плащах появился красный крест. Сержанты, то есть простые воины и слуги, носили чёрные или коричневые одежды. Были также братья-капелланы, служившие мессы и принимавшие исповедь. За каждым рыцарем полагалось несколько коней и оруженосец.

День брата был расписан по часам монашеских служб, как в монастыре. Братья вставали ночью к заутрене, слушали службы в течение дня, а если находились в походе, вместо служб читали определённое число молитв. Ели вместе, в молчании, слушая чтение Писания, по двое из одной миски. Мясо давали три раза в неделю, в остальные дни овощи и хлеб. Каждый брат должен был смотреть, чтобы его сосед ел достаточно: усталый от поста воин был плохим воином.

Устав подробно регулировал повседневную жизнь братьев. Им запрещалось иметь личное имущество, в том числе кошелёк, запирать сундуки и получать письма без разрешения магистра. Охота допускалась лишь на львов, которых считали опасными врагами. Под запретом были поцелуи с женщинами, даже с матерью и сестрой, а также меховая одежда, за исключением овчины и бараньей шкуры. За нарушения назначали наказания — от поста на хлебе и воде до изгнания из ордена.

В составе крупных армий орденские отряды могли прикрывать фланги, сопровождать обоз или участвовать в конной атаке. Их действия согласовывались с общим замыслом командования, хотя собственная орденская дисциплина сохранялась.

Вместе с рыцарями служили сержанты, конюхи, оруженосцы и наёмные мастера. Походное хозяйство включало обоз и вьючных животных. Боевые кони обходились дорого, а во время осады заменить потерянных было особенно трудно.

На войне братья подчинялись маршалу. Строй держали неукоснительно: выезжать из строя без приказа запрещалось, и даже раненый брат не должен был покидать отряд без разрешения. Знамя ордена, чёрно-белое, которое называли Босеан, не должно было опускаться, пока стоит хотя бы один брат. Отступать разрешалось, только если противник был по меньшей мере втрое сильнее, а по некоторым правилам вообще нельзя было бежать, пока в поле реет знамя христиан. Мусульманские авторы в один голос пишут, что тамплиеры и госпитальеры были самыми стойкими и опасными из франкских воинов.

Статуты тамплиеров сохранили описание обряда, которым принимали нового брата. Он проходил ночью, в капелле, в присутствии собрания братьев. Кандидата сначала оставляли одного в соседней комнате, и к нему по очереди приходили старшие братья, предупреждая о трудностях жизни в ордене. Затем его вводили в собрание, он становился на колени и просил принять его в братство.

Глава собрания отвечал ему словами, которые трудно читать без волнения. Брат, говорил он, ты видишь нас снаружи: у нас прекрасные кони, богатая сбруя, мы хорошо едим и пьём, хорошо одеты, и тебе кажется, что тебе будет у нас легко. Но ты не знаешь суровых заповедей, которые внутри. Тяжело тебе, своему собственному господину, стать рабом другого. Если ты захочешь быть по эту сторону моря, тебя пошлют за море. Если захочешь быть в Акре, тебя пошлют в Триполи или Антиохию. Если захочешь спать, тебя поднимут, если захочешь есть, тебе велят идти. Подумай хорошо, сможешь ли ты всё это вынести.

Потом кандидата расспрашивали. Не женат ли он, не обручён ли? Не принадлежит ли к другому ордену? Нет ли у него долгов, которые он не может уплатить? Здоров ли он телом? Не обещал ли он кому-нибудь денег за то, чтобы его приняли? Не раб ли он? Если кандидат отвечал неправду, а это потом открывалось, его изгоняли. Наконец он давал обеты повиноваться магистру, жить в целомудрии и без собственности, соблюдать обычаи ордена и помогать завоевать Святую землю. На него надевали плащ, капеллан читал псалом, и братья целовали нового собрата.

Этот обряд, простой и строгий, станет через двести лет предметом страшных обвинений. Когда в 1307 году французский король арестует тамплиеров, их обвинят в кощунственных обрядах, будто бы совершавшихся при приёме новичков. Об этих обвинениях и о том, насколько они правдивы, речь пойдёт в томе III. Здесь достаточно сказать, что в XII веке никто ничего подобного о тамплиерах не говорил.

Управление орденами было устроено так же строго, как жизнь отдельного брата. Во главе каждого стоял магистр, избиравшийся пожизненно особой коллегией из тринадцати братьев. Число напоминало о Христе и двенадцати апостолах. Магистр тамплиеров жил в Иерусалиме, в Храме, а после 1187 года в Акре. При нём состояли высшие должностные лица: сенешаль, его заместитель, маршал, командовавший войском, командор королевства Иерусалимского, ведавший казной и складами, драпьер, отвечавший за одежду и снаряжение. У госпитальеров была похожая лестница должностей, к которой прибавлялся госпитальер, заведовавший госпиталем.

Магистр был очень могущественным человеком, но не самовластным. Важные решения принимал капитул, собрание старших братьев. Без его согласия магистр не мог ни объявить войну, ни заключить мир, ни продать землю, ни принять в орден нового брата высокого положения. Устав тамплиеров подробно перечисляет, в каких случаях магистр должен советоваться с братьями, и даже сколько коней и слуг ему положено. По уставу у него было четыре коня, капеллан, писец, сержант, кузнец, переводчик-сарацин, туркопол и повар.

В домах ордена регулярно собирался капитул: братья признавались в проступках и выслушивали решение о наказании. За наиболее тяжкие нарушения, в том числе бегство с поля боя, предательство или убийство христианина, предусматривалось изгнание. За менее серьёзные провинности брат мог на год и день лишиться плаща, а вместе с ним ряда прав и привилегий. Позднейшие статуты подробно описывают дисциплинарные дела: ссоры, утрату снаряжения, пьянство и кражи. Эти свидетельства позволяют увидеть повседневную жизнь ордена за пределами уставных предписаний.

Члены орденов не все были рыцарями. Большинство составляли сержанты, ремесленники, конюхи, пахари. В Европе в орденах было много братьев, которые вообще никогда не держали оружия и всю жизнь управляли хозяйством. Были и сёстры: госпитальеры с самого начала принимали женщин, ухаживавших за больными, и в Европе у них были женские монастыри. Тамплиеры женщин официально не принимали, хотя и здесь были исключения. Наконец, к

ордену могли присоединиться на время светские рыцари, обещавшие служить определённый срок, например год, и отдававшие ордену половину своего снаряжения после его окончания.

На войне ордены, как и короли, пользовались услугами туркополов. Само слово по-гречески означает «сыновья тюрок». Так называли лёгких конных лучников, набиравшихся из местных жителей: восточных христиан, детей от смешанных браков, иногда крещёных мусульман. Они воевали так же, как тюрки, на быстрых конях, с луком, без тяжёлых доспехов, и были необходимы франкам, чья тяжёлая конница плохо подходила для разведки, преследования и стычек.

У тамплиеров туркополами командовал особый начальник, туркопольер, и это была одна из важных должностей ордена. Туркополы служили за жалованье, жили отдельно от братьев и не давали обетов. Мусульмане относились к ним с особой ненавистью, считая их отступниками. После Хаттина, по свидетельству Имад ад-Дина, Саладин приказал казнить пленных туркополов вместе с братьями орденов.

В королевском войске сражались франкские рыцари, местная пехота, итальянские арбалетчики, армянские и сирийские лучники, туркополы и другие наёмники. Разные виды вооружения помогали действовать в условиях восточной войны.

Чтобы содержать замки и гарнизоны на Востоке, орденам нужны были огромные средства. Их давали владения в Европе. По всей Франции, Англии, Испании, Италии, Германии ордены получали земли, деревни, мельницы, церкви, дома в городах. Ими управляли командорства, небольшие общины из нескольких братьев, которые хозяйствовали на земле и каждый год отсылали на Восток часть доходов, обычно треть, вместе с конями, оружием, тканями и новыми людьми.

Самый поразительный пример щедрости к орденам дал король Арагона Альфонсо I Воитель, воевавший с маврами всю жизнь. Он умер в 1134 году бездетным и в завещании оставил всё своё королевство трём наследникам: тамплиерам, госпитальерам и каноникам храма Гроба Господня. Арагонская знать, конечно, не позволила исполнить это завещание и избрала королём брата Альфонсо. Но ордены получили в возмещение множество замков и земель на Пиренейском полуострове, где они станут важной силой Реконкисты.

Доходы европейских владений требовалось доставлять на Восток. Управляющие собирали деньги, закупали зерно, древесину и железо, организовывали перевозки. От этой работы зависели снабжение гарнизонов и ремонт крепостей.

Финансовые дела орденов не следует отождествлять с банковским делом позднейших эпох. Братства принимали ценности на хранение, производили расчёты и передавали средства между владениями. Но источники сохранили преимущественно сведения об отдельных обязательствах и сделках, а не описание единой системы.

Тамплиеры не только сопровождали паломников, но и принимали деньги и ценности на хранение, выдавали расписки, проводили расчёты между своими домами. Этими услугами пользовались паломники, знать и правители. Во время Второго крестового похода орден предоставлял средства Людовику VII; позднее парижский Тампль стал одним из центров управления королевскими финансами. Однако называть такие операции банковским делом в современном смысле было бы неточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.